ЛЕ
Г39

Герои
Хасана

Сталинград 1938

ЛЕ
ГЗЭ

ГЕРОИ ХАСАНА

1866

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД
1938

ЛЕ
Г39

ГЕРОИ ХАСАНА

★

3 экз

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1938

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая „Правды“	Герои Хасана	3
Стеженко—*капитан*	Что произошло в районе озера Хасан?	5
Ф. Семеновский—*дивиз. комиссар*	Герои Хасана	12
Л. Сафонов	Бесстрашные пограничники	16
Бор. Ривчун	Сергей Бамбуров	18
П. Огин	Младший комвзвод Николай Баринов	20
П. Будыкин	Капитан Бочкарев	22
Л. Викторов	Секретарь дивизионной парткомиссии Гвоздев	24
Г. Дворецкий	Лейтенант Иван Лазарев	25
В. Ходаков	Большевик Машляк	27
М. Яковлев	Комиссар Николаев	29
И. Гаглов	Героическая смерть комиссара Пожарского	31
П. Майков	Капитан Провалов	35
В. Колыбельников	Лейтенант Терешкин	38
И. Александров	Коммунисты Приморской армии	39
Г. Клинов—*батальонный комиссар*	Политотдел в бою	41
А. Зуев—*политрук роты*	Политработа в боевой обстановке	45
М. Никишев—*полковой комиссар*	Чему учит опыт политработы в боях у озера Хасан	49
А. Кравченко—*старший политрук*	Коммунисты первыми шли в бой	53
М. С. Злой—*военком эскадрильи*	Как мы бомбили японцев	54
Я. Бредкин—*политрук части*	Мужество и отвага	57
Г. Сазыкин—*зам. политрука*	За родину!	59
З. Абрамов	Красное знамя	63
Теклин—*старший лейтенант*	Штурм высоты Безымянной	66
П. Солянов—*командир полка*	Штурм сопки Пулеметной	68
Т. Московец—*ком. пулеметчиков*	Не давали врагу поднять головы	71
О. Курганов	Ночь в бою	72
И. Бледный—*ком. подразделения*	На подступах к высоте Заозерной	75
Фронтовые записки пулеметчика Гольянова	Как я уничтожал японских налетчиков	77
Н. Пантелеевич—*командир танка*	Танки шли в бой	80
М. Ахутин—*военврач 1-го ранга*	Хирурги Приморской армии на поле боя	82
З. Абрамов	Боевые подруги	84
Т. Карельштейн, В. Вагин	Мужество комсомолок	86

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
5107-50

Ответственный по выпуску *Н. Ф. Богачевский.*
Технический редактор *В. Т. Фонов.* Корректор *Е. И. Дербишер.*

Сталинградское книгоиздательство. Издание № 185. Сдано в набор 2/XI 1938 г. Подписано к печати 8/XII 1938 г. Формат бумаги 60 x 92 1/16. Бум. листов 2 3/4. Печат. листов 5 1/2. Учетно-авторских листов 6,6. Знаков в бум. листе 96288. Тираж 6000 экз. Уполн. Облита Т—5365.

Сталинград, т.-л. из-ва „Сталинградская правда“, Советская, 37. Заказ № 6255.

ГЕРОИ ХАСАНА

Сегодня публикуются Указы Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении бойцов, командиров и политработников, участвовавших в героических боях у озера Хасан с японскими захватчиками. Высокая награда правительства является выражением той всенародной любви, которой окружены в советской стране участники незабываемых боев.

С величайшим вниманием и напряжением следил многомиллионный советский народ за развитием событий на дальневосточном рубеже нашей родины. Весть о подлом нападении японских генералов на советскую землю всколыхнула весь народ. Негодование советского народа было беспредельно. В больших городах и в отдаленных деревнях, на фабриках и заводах, в колхозах и в совхозах—всюду гремел гневный голос народа: „Смерть подлым японским захватчикам!"

Японская военщина, пытавшаяся втянуть Японию в войну с СССР, получила назидательный урок в боях у озера Хасан, урок, который надолго отобьет у кого бы то ни было охоту совать свое свиное рыло в наш советский огород. Доблестная Красная Армия, воодушевленная высокими идеями коммунизма, вооруженная по последнему слову техники, полная беззаветной любви к родине, разгромила японских генералов и, как грязный сор, вымела с советской земли кичливые полки японской „императорской" армии. Провокация японских генералов не удалась.

Бойцы Красной Армии храбро и самоотверженно сражались за родину, зная, что за ними стоит весь 170-миллионный советский народ, полный священной ненависти к гнусным провокаторам и бандитам из лагеря японской военщины. Бойцы Красной Армии, дравшиеся с необыкновенным героизмом у берегов озера Хасан, знали, что они защищают мирный труд своего народа, защищают социализм против фашистского варварства, защищают дело всеобщего мира.

Политсостав, воспитанный партией Ленина—Сталина, цементировал действующие части, воодушевлял бойцов, показывая личный пример самоотверженного выполнения воинского долга.

История хасанских боев насыщена героизмом. Все участники памятных сражений, начиная от высших командиров и кончая рядовыми бойцами, горели желанием в кратчайший срок уничтожить врага, не щадя ни своих сил, ни своей жизни. В бою

за высоту Заозерную смертью храбрых пал пулеметчик А. Ширманов. В его ранце товарищи нашли записку следующего содержания: „Буду воевать до конца, насколько хватит моей силы, но врагу со своим геройским пулеметом не уступлю. Отступать не буду от советского рубежа, и японец не вырвется из-под моего пулемета. Отличный стрелок Ширманов". Лейтенант Левченко, участник боев, рассказывает о героическом порыве, который охватил всю его роту: „Пулеметчик Гольянов появился там, где угрожала опасность, где нужен был его пулемет. В момент атаки, когда я стоя отдавал приказания, группа японцев, воспользовавшись дымовой завесой, подкралась совсем близко. Японцы уже брали меня на мушку, но в этот момент подбежал ко мне Гольянов. Он стоя дал очередь из ручного пулемета и уничтожил всю группу японцев... Красноармейцы не знали страха. Помню, как комсомолец Горелов, окруженный пьяными японцами, бросился на них с винтовкой наперевес и яростно уничтожал врагов в штыковом бою".

Противник нес страшные потери. В боях у озера Хасан бойцы Красной Армии еще раз показали перед лицом всего мира свое высокое моральное превосходство, свою храбрость, мужество, выносливость, свое умение владеть оружием. Славные традиции гражданской войны витали над доблестными полками Красной Армии в сражении у озера Хасан. Революционный энтузиазм умножался на первоклассную технику. Нет такой силы, которая могла бы устоять против Красной Армии, полной пламенного патриотизма!

Доблестной армии советского народа есть что защищать!

В боях у озера Хасан показали свою отвагу и мужество бойцы всех родов оружия. Бойцы и командиры—артиллеристы обеспечили меткий, уничтожающий огонь. Славные танкисты прокладывали путь пехоте, рвали проволочные заграждения, преодолевали рвы и перевалы, разили в лоб противника, уничтожали японские огневые точки. Ничто не могло остановить советских танкистов! Наши мужественные летчики бесстрашно громили позиции врага, поливая противника губительным дождем бомб. Наши связисты под огнем противника налаживали связь, демонстрируя свое мужество и свое высокое знание техники. И, наконец, наша великолепная пехота, сильная своими многовековыми традициями, своим упорством, выносливостью, храбростью, еще и еще раз показала свою всесокрушающую мощь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 40-я стрелковая дивизия награждена орденом Ленина, а 32-я стрелковая дивизия и Посьетский пограничный отряд—орденами Красного Знамени. Эта славная награда войсковых соединений завоевана усилиями бойцов, командиров и политработников всех родов оружия.

Товарищ Сталин говорил:

„Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что

впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам".

Любовное и заботливое отношение народа к армии с особой силой выразилось в дни боев у озера Хасан. В адрес действующих частей Красной Армии непрерывно шли телеграммы с разных концов страны, и в этих телеграммах рабочие, колхозники, советская интеллигенция приветствовали бойцов, заявляя о своей готовности грудью встать на защиту родины. От всего сердца, от всей души народ посылал в армию подарки, желая этим выразить свою любовь к славным бойцам. Девушки села Прилуки написали письмо бойцам, командирам и политработникам армии, в котором выразили свои горячие чувства: „Мы, девушки, всегда готовы встать вместе с вами в ряды славных дальневосточников. Помните! С вами весь советский народ, всепобеждающая партия большевиков во главе с великим Сталиным".

Это письмо выражает чувства всего многомиллионного советского народа!

Красная Армия, имеющая за своими плечами весь народ, опирающаяся на поддержку всего народа,—непобедима.

Красная Армия выбросила коварного и подлого врага из пределов советской земли, растоптала и уничтожила подлых гадов. На высоте Заозерной гордо реет красное знамя. Под красными знаменами советский народ победил в годы гражданской войны, под красными знаменами советский народ построил первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, под красными знаменами советский народ идет от победы к победе.

Честь и слава героям Хасана! Никогда народ не забудет

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №	ПАСПОРТ			КНИГА ИМЕЕТ:						
			№ тома	Список № порядковый №	Количество страниц	Отд. томов, вып. №№	Таблиц, карт. иллюстраций	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.	Дефекты	Печатных листов	Обрез
	ПЕ	510750	Г-39	1866/1	88			Сохранить о Сталину			

...ского Союза, однако он имеет весьма важное значение. Здесь сходятся границы СССР, Манчжурии и Кореи.

Наша граница с юга на север сначала проходит по реке Тумень-Ула, отделяя советскую территорию от Кореи. Протя-

впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам".

Любовное и заботливое отношение народа к армии с особой силой выразилось в дни боев у озера Хасан. В адрес действующих частей Красной Армии непрерывно шли телеграммы с разных концов страны, и в этих телеграммах рабочие, колхозники, советская интеллигенция приветствовали бойцов, заявляя о своей готовности грудью встать на защиту родины. От всего сердца, от всей души народ посылал в армию подарки, желая этим выразить свою любовь к славным бойцам. Девушки села Прилуки написали письмо бойцам, командирам и политработникам армии, в котором выразили свои горячие чувства: „Мы, девушки, всегда готовы встать вместе с вами в ряды славных дальневосточников. Помните! С вами весь советский народ, всепобеждающая партия большевиков во главе с великим Сталиным".

Это письмо выражает чувства всего многомиллионного советского народа!

Красная Армия, имеющая за своими плечами весь народ, опирающаяся на поддержку всего народа,—непобедима.

Красная Армия выбросила коварного и подлого врага из пределов советской земли, растоптала и уничтожила подлых гадов. На высоте Заозерной гордо реет красное знамя. Под красными знаменами советский народ победил в годы гражданской войны, под красными знаменами советский народ построил первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, под красными знаменами советский народ идет от победы к победе.

Честь и слава героям Хасана! Никогда народ не забудет [illegible]ес[illegible]римерного героизма бойцов, командиров и политработни[illegible]ов [illegible]блестной Красной Армии, разгромившей японских гене[illegible]ов. В честь героев Хасана советский народ сложит пре[illegible]сные песни, и их будут петь с любовью от края до края [illegible]шей прекрасной родины.

Передовая „Правды", 26 октября 1938 г.

Капитан Стеженко.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В РАЙОНЕ ОЗЕРА ХАСАН?

(Записки участника боев)

[illegible] Лосьетский район, самая южная часть Дальневосточного [illegible]риморья, мало известен в западной части Советского Союза, однако он имеет весьма важное значение. Здесь сходятся границы СССР, Манчжурии и Кореи.

Наша граница с юга на север сначала проходит по реке Тумень-Ула, отделяя советскую территорию от Кореи. Протя-

нувшись так около 25 километров, граница с Кореей переходит в границу с Манчжурией и отступает от реки. В этом месте между СССР и Кореей вклинивается длинным, узким языком территория Манчжурии.

Пограничный участок Посьетского района изобилует низменностями и озерами. Одно из озер за последнее время стало известно всему миру. Это—озеро Хасан с прилегающими к нему с запада высотами Заозерной (Чанкуфын) и Безымянной, где советские пограничники и войска Приморской 1-й армии в течение двенадцати дней вели упорные бои с японскими захватчиками, посягнувшими на неприкосновенность советской территории.

Почему японская военщина избрала для новой вооруженной авантюры район озера Хасан?

Ответ на этот вопрос следует искать в характере местности и особенностях топографии Посьетского района.

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или сопок, как их называют у нас в Приморьи, находится всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой— в 130 километрах от Владивостока.

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километрах в 60—70, то чем дальше на юг, тем все ближе и ближе подходит она к берегу Японского моря. Здесь местность представляет собой узкую прибрежную полосу, сплошь болотистую и низменную, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. Дальше на север, вплоть до Владивостока, все побережье составляет также низменность, которая широко открывается взору с немногочисленных сопок, возвышающихся над болотистой равниной.

Такими сопками, открывающими обзор на Посьетский залив, являются высоты Заозерная (Чанкуфын) и ее соседка с севера — Безымянная, по вершинам которых проходит граница, установленная Хунчунским договором.

Как Заозерная, так и Безымянная составляют вершины одного и того же скалистого кряжа, спускающегося по нашу сторону границы прямо в озеро Хасан.

Хотя обе сопки и невысоки (Заозерная имеет в вышину около полутораста метров), но в условиях окружающей ровной местности в ясную погоду с них видно все наше побережье. Наши пограничники в удачные дни, когда рассеиваются очень частые здесь туманы, в бинокль наблюдают и берег и дальние острова, разбросанные вдоль побережья на пути к Владивостоку.

Если бы японцы удержали в своих руках эти высоты, то их укрепления, наблюдательные пункты и огневые средства, расположенные на сопках, дали бы им возможность держать под наблюдением и прямым огнем весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посьет. А обоснуйся японцы на высотах, они непосредственно угрожали бы и нашей бухте Посьет и побережью в направлении к Владивостоку.

Начиная свою авантюру, японская военщина рассчитывала на обеспеченный успех. Ее успокаивал исключительно трудный для нашей обороны характер местности, прилегающей к озеру Хасан. Сразу же за сопками Заозерной и Безымянной, если итти от границы вглубь нашей территории, лежит озеро Хасан, вытянутое на 4—5 километров с севера на юг вдоль границы. Его северный и южный края находятся от границы на расстоянии каких-нибудь 150—200 метров. Таким образом, обе сопки отделены от остальной советской территории широкой водной преградой, обойти которую на пути к сопкам можно только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам.

Каждому понятно, какие большие преимущества это давало японским войскам, нацелившимся на сопки, и какие трудности создавало для нас.

Японцы рассчитывали, несомненно, также и на то, что болотистая местность и ограниченное число дорог не дадут нам возможности использовать танки и подвезти тяжелую артиллерию.

Как впоследствии выяснилось, японцы заблаговременно готовились к пограничному нападению. 19-я японская дивизия, расположенная в северной, приграничной части Кореи, была отмобилизована и содержалась в составе военного времени, в количестве не менее 20 тысяч человек. К району нападения были подтянуты тяжелая, зенитная артиллерия и бронепоезда.

Японская военщина предвкушала успех своих планов, строя их на учете больших трудностей, встававших перед нами в обороне советских рубежей на подступах к Посьету.

Но в своих расчетах японцы жестоко ошиблись. Красная Армия, выпестованная партией Ленина—Сталина, воспитанная, как и весь советский народ, на преодолении любых трудностей, еще раз показала всему миру, что нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять!

★

Застрельщиками нападения были японские пограничные отряды. Темной и туманной ночью 28 июля около роты японских пограничников скрыто сосредоточилось у склонов сопок Заозерная и Безымянная по свою сторону границы. 29 июля днем они внезапно атаковали Безымянную. В это время на Безымянной находился наш пограничный наряд в составе одиннадцати человек.

Несмотря на явный перевес сил на стороне японцев, пограничники встретили нападающих решительным отпором. Завязался жестокий бой, перешедший в рукопашную схватку. Пограничники, отбивая навалившегося врага штыками и прикладами, дрались до последней возможности. Пять человек из состава наших бойцов были убиты, а остальные ранены. Не имея сил больше удерживать высоту, пограничники были вынуждены ее оставить.

Услышав перестрелку, к месту боя выступил резерв пограничного отряда; штыковой атакой и гранатами японцы были отброшены с Безымянной. Они отошли за границу, оставив на нашей стороне своих убитых.

С самого начала вылазка японцев потерпела неудачу. Им потребовались дополнительные силы и некоторое время на сосредоточение. На следующий день—30 июля около озера Хасан было спокойно. На гребнях сопок были расположены наши пограничные посты.

31 июля перед самым рассветом, когда густой туман окутывал местность до самых вершин сопок, японцы совершили новое нападение. На этот раз они атаковали обе высоты—и Безымянную и Заозерную. Теперь с их стороны действовали уже не пограничные отряды, а полевые войска с большим количеством пулеметов, минометов и артиллерии. Как потом было установлено по убитым, японцы бросили в атаку два пехотных полка 19-й дивизии, поддержанных сильным артиллерийским огнем.

Хлынувшие через границу японские войска столкнулись с нашими пограничными частями. Весь день 31 июля и 1 августа бой в районе озера не прекращался. Пограничники поражали японцев огнем своих пулеметов, штыками и ручными гранатами. Даже будучи раненными, бойцы оставались в строю, отказываясь от направления в тыл и продолжая мужественно драться с врагами. Однако перевес в силах был на стороне японцев; прокладывая себе дорогу ценой больших потерь, устилая путь убитыми и ранеными, японцы оттеснили наших пограничников и проникли вглубь советской территории до 4 километров.

Захватив Безымянную и Заозерную, японцы начали их спешно укреплять, строить окопы и создавать различные препятствия. Они использовали каменистые склоны сопок, расположили укрыто свои пулеметы и артиллерию, за отдельными камнями разместили снайперов. Обе высоты были превращены в основу японской обороны на озере Хасан. Огонь пулеметов с сопок и артиллерии, сосредоточенной за ними, запирал единственные подступы к высотам с севера и юга между границей и озером.

Наше командование, встретившись с фактом ввода японцами в бой полевых войск, приказало полевым частям Красной Армии выступить на поддержку пограничников и уничтожить захватчиков, нагло вторгшихся на советскую территорию. Одновременно с этим строжайше было приказано не переходить границы.

Наш полк, находившийся в расстоянии около перехода от района боев, получил приказ о немедленном выступлении. Головной батальон форсированным маршем двинулся к озеру Хасан, за ним следовали остальные батальоны.

2 августа полевые части войск 1-й армии, расположенных в Посьетском районе, вступили в бой с захватчиками. Был туманный день, моросил дождь. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Друж-

ным натиском пограничных частей и полевых войск противник был отброшен за озеро Хасан. Поздно вечером наши войска приблизились к занятым японцами сопкам Заозерная и Безымянная.

Японцы находились в чрезвычайно выгодных тактических условиях. Перед их позициями лежало озеро, которое не позволяло нам атаковать высоты с фронта. Для того, чтобы выгнать врага с советской земли, нам надо было обходить края озера, то-есть двигаться вдоль самой границы, попадая под жестокий огонь японских войск, которые находились не только на высотах Заозерная и Безымянная, но и на других возвышенностях, тянущихся вправо и влево вдоль границы.

Мы были зажаты на узком пространстве между озером и границей. Конечно, мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели сопками, обходя их по манчжурской территории. Но наши части точно выполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории. В последующие дни мы увидели, насколько это было трудным.

Наш батальон наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в полтораста метров, сплошь оплетенное проволокой и находившееся под перекрестным пулеметным огнем. Через этот лабиринт огня и проволоки нам предстояло пробиться и выбросить захватчиков с советской земли. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную.

Всю ночь и последующие дни мы отбивали непрекращавшиеся контратаки японцев, штыковыми ударами отбрасывали врага назад, на его позиции. Мы двигались вперед, дерясь буквально за каждый шаг; ни ожесточенные контратаки японцев, ни огонь пулеметов, который не прекращался ни на минуту, не могли остановить наших бойцов. Медленно, но неуклонно мы приближались к японским заграждениям.

Бойцы-дальневосточники, пламенные патриоты, не считаясь ни с какими трудностями, стремились быстрее выполнить поставленную командованием задачу. Одна из рот попросила у командования разрешения проникнуть через заграждения и атаковать японцев. Добровольцы, конкурируя друг перед другом, настойчиво добивались удовлетворения их просьбы. Командование разрешило.

Под покровом тумана смельчаки рассредоточились на полутораста метрах лежащего впереди пространства и, преодолевая проволоку, подползли к японским укреплениям. Когда туман рассеялся, они были обнаружены японцами, но успели за это время окопаться настолько, что, как ни старались их японцы выбить, ничего не выходило.

За эти дни наше командование закончило сосредоточение технических средств в количестве, необходимом для решительного удара по захватчикам.

4 и 5 августа шли беспрерывные дожди. Дороги размокли,

болота превращались в озера, что еще больше осложняло наше маневрирование.

6 августа—день годовщины Дальневосточного Краснознаменного Фронта. С утра, как всегда, было туманно. Около полудня туман прояснился. Вдруг загудело небо. Это шли наши самолеты. Вот один десяток, другой, третий, четвертый... их было много. В боевом строю они шли на противника.

Поднялись вверх столбы земли на безлесных гребнях занятых японцами сопок, взлетели обломки японских орудий, щепки разрушенных японских укреплений.

Как бы споря в мощности с разрывами авиабомб, загрохотала наша артиллерия. Ее снаряды ложились в полосе японских позиций. Мощная артиллерийская подготовка слилась воедино с авиабомбардировкой. Как видно, не сладко чувствовали себя японцы, получая наши гостинцы!

Вслед за бомбардировщиками включились в бой истребители. Пулеметным огнем они поливают японскую пехоту.

Пришла очередь для действий нашей пехоты. В сопровождении танков она ринулась в атаку через узкое пространство. Японская артиллерия бьет по танкам прямой наводкой. Танки, ныряя в неровностях местности, осторожно выбирают узкие полоски проходимого пространства, давят проволоку и врезаются в расположение японских позиций. Бойцы разрывают проволоку ножницами, подрывают ее ручными гранатами. Наши замечательные бойцы, пренебрегая огнем японской артиллерии, установленной на манчжурской территории, уверенно двигаются вперед; подразделения соревнуются друг с другом в том, чтобы первыми войти с красными знаменами на родную советскую Заозерную сопку.

К вечеру самолеты повторили атаку. Опять гром разрывов, столбы земли. Артиллерийский огонь японцев ослаб, видно несколько японских батарей были подбиты нашей авиацией и нашей артиллерией.

Я не участник империалистической войны, но знаю по описаниям, какой силы достигал огонь на фронте в период наиболее напряженных боев. 6 августа и в последующие дни мы проделали то, что проделывалось в те времена при атаке сильно укрепленных позиций и что вошло в историю, как примеры небывалого упорства и обороны и наступления.

Спустилась ночь. Бой не прекращался, но японцы начали сдавать. Еще нажим, еще раз бросок в атаку. С криками: „Ура! Да здравствует великий Сталин!“ бойцы стремятся вверх по крутым склонам сопки. Враг не выдержал,—сопка наша! Заозерная (Чанкуфын) снова в наших руках.

На рассвете на Заозерной развевались красные знамена.

Японцы успели основательно укрепиться на высоте. Они оставили окопы глубиной в полный профиль, убежища и блиндажи для пехоты, основательно разрушенные действиями нашей авиации и артиллерии. Проволочные заграждения перед японскими позициями были построены в 3—4 ряда кольев, впереди них были отрыты противотанковые рвы. В оставленных саму-

раями окопах мы нашли несколько сот порожних бутылок из-под спиртного различных марок.

Японцы не хотели помириться с потерей высоты. Озверелые, с криками „банзай" они карабкались по камням на сопку. Наши бойцы подпускали их на близкое расстояние, а затем забрасывали ручными гранатами. Так отбивались неоднократные контратаки японцев. Большинство наступавших оставалось на месте убитыми, а уцелевшие скатывались обратно вниз.

В дальнейшие дни основные бои развернулись на высоте Безымянная, где японцы еще занимали часть нашей территории. Стараясь выбить японцев, наши части невольно вклинились метров на 300—400 в японское расположение по ту сторону границы.

Японская артиллерия продолжала вести огонь, стараясь подбить наши орудия. Однако огонь японцев страдал одним „дефектом": снаряды попадали куда угодно, только не в цель. Наша артиллерия уверенно выполняла свои задачи, поражая неприятельские орудия. 8 августа по нашему батальону открыла усиленный огонь одна из японских батарей, препятствуя нашему наступлению. После того, как наша артиллерия направила огонь по этой батарее, мы на себе почувствовали успешные результаты в работе наших артиллеристов: сначала японский огонь ослаб, а затем прекратился.

Бои за Безымянную богаты эпизодами героического поведения бойцов-патриотов. 9 августа группа смельчаков-добровольцев испросила у командования разрешения уничтожить две японских укрепленных точки, которые в особенности мешали нашим действиям. Ночью смельчаки подползли к укрепленным точкам, заложили фугас и взорвали одну из них. Другую точку они вынудили замолчать, ведя непрерывный огонь по амбразуре, откуда до этого стрелял японский пулемет.

Одно из наших отделений, скрыто подойдя к расположению противника, своим умелым огнем уничтожило японский взвод.

На южном участке в тот же день, 9 августа, когда около двух рот пехоты противника, переправившись через р. Тумень-Ула, собирались нас атаковать, они были уничтожены: одна рота на месте нашим артиллерийским огнем, а другая—при отступлении вплавь через реку. Прекрасно действовали наши саперы, которые под огнем японцев строили укрепления на отбитых нами высотах.

Громадными усилиями преодолевая трудности местности и японской обороны, наши бойцы, командиры и политработники последовательно выполняли волю советского народа, выраженную вождем народов товарищем Сталиным: „Ни одного вершка своей земли не отдадим никому".

Мы не хотим ни корейской, ни манчжурской земли, но советуем вам, господа японцы, оставить надежды на владение нашими солками, озерами, пашнями, городами. Если не хотите сойтись на этом по-хорошему, мы вас убедим силой, сколько бы войск вы ни собрали и каких бы нам это усилий ни стоило. Такими настроениями были проникнуты все, кто в те дни дрался

с захватчиками. Великая сила любви к родине, горячее чувство советского патриотизма руководили нашими действиями в эти незабываемые дни. С именем великого Сталина на устах, под красными знаменами страны социализма мы шли в бой и побеждали. Готовность всей необъятной советской страны отразить налетчиков воодушевляла нас в тяжелых условиях боевой работы.

Беспартийные красноармейцы и командиры в период боев массами подавали заявления о принятии их в партию и комсомол. „Хотим итти в бой членами партии Ленина—Сталина, членами Ленинского комсомола",—заявляли они. В бою они своим беззаветным геройством доказали преданность делу партии и искренность своего стремления быть в ее рядах. Сейчас они влились в нашу партийную и комсомольскую семью. Партийные и беспартийные большевики, борясь плечом к плечу, победили трудности и вышвырнули обнаглевших самураев с родной земли.

К моменту перемирия, которое было объявлено 11 августа, на советской территории не было больше ни одного японского солдата. Японцы попытались было в самый последний момент выдвинуться вперед на нашу территорию, накапливаясь за камнями сопки Заозерная. Они воспользовались тем, что огонь с нашей стороны был прекращен в виду начавшегося перемирия. Однако настойчивая позиция нашего командования заставила японцев уважать заключенное соглашение и отойти на линию, которую они занимали до перемирия.

Сейчас мы уверенно держим в своих руках отвоеванные сопки, политые кровью сынов социалистической родины, павших на защите советских границ.

„Правда", 28 августа 1938 г.

Ф. Семеновский.

Дивизионный комиссар Член Военного Совета 1-й Отдельной Краснознаменной армии

ГЕРОИ ХАСАНА

В незабываемые дни боев у озера Хасан советское оружие покрыло себя бессмертной славой. Наглые японские захватчики расшибли свои головы о несокрушимую стену защитников дальневосточных границ. Высоты Заозерная и Безымянная стали могилой для японских полков, которые остервенело полезли на нашу советскую землю.

Ни бетонированные пулеметные гнезда, ни снаряды тяжелой артиллерии, ни проволочные заграждения, опутавшие склоны укрепленных сопок, не могли остановить наших доблестных бойцов. Штыком и гранатой пробивала себе дорогу пехота. Могучие танки беспощадно давили огневые точки японцев. Самолеты поливали пулеметным огнем и взрывали бомбами японские окопы и батареи, превращая их в прах. Красные артиллеристы метким огнем поражали живую силу противника и заставили замолчать его пушки.

С образом Сталина в сердце, с именем Сталина на устах шли бойцы на штурм укрепленных японских позиций. Имя Сталина звучало над полем сражения, как боевой клич, вдохновляло на подвиги, вело вперед. Каждый боец, каждый командир и комиссар, каждый политработник готов был всю свою кровь—каплю за каплей—отдать за благо родины, за дело партии Ленина—Сталина. Штурм высоты Заозерной был победным взлетом советского патриотизма, его триумфом. Тысячи героев неудержимо стремились к вершине и победили. Герои водрузили красное знамя на возвращенных родине высотах и оно гордо и незыблемо развевается на них.

Советский народ гордится своими героическими сынами, которые дали сокрушительный отпор зарвавшимся японским самураям. С любовью и уважением произносит он имена героев-пулеметчиков, командиров, комиссаров, политруков, танкистов, летчиков, проявивших чудеса отваги и храбрости в боях с японцами. Я хочу рассказать о самых отважных, самых храбрых бойцах, командирах, комиссарах и политработниках—о наших героях.

Пламенный большевик лейтенант Иван Машляк[1] шел в первых рядах батальона, штурмовавшего высоту Заозерную. Он подхватил знамя, выпавшее из рук тяжело раненного знаменосца, первый ворвался на высоту и водрузил на ней красное знамя. Секретарь партийного бюро части лейтенант Машляк личным примером воодушевил бойцов и командиров. Он был ранен в голову и плечо, но, обливаясь кровью, неудержимо шел на врага, увлекая в атаку своих бойцов. Когда командир батальона был тяжело ранен, герой принял на себя командование и блестяще провел решающую атаку.

Шесть раз водил в атаку свой батальон капитан Михаил Бочкарев.[2] Шесть раз, подвергаясь смертельной опасности, он бросался в бой, нанося сокрушительные удары японцам. Раненый, он оставался в строю и командовал доблестным батальоном. В дни боев батальон стал комсомольским. Капитан Бочкарев, как истинный герой, выполнил с честью свой долг перед родиной.

Имя капитана Константина Провалова[3] неразрывно связано с героическими действиями N полка, который получил боевой приказ—уничтожить врага на высоте Заозерной. Ровно в 17 часов 6 августа полк приступил к выполнению боевой задачи. Три часа продолжался ожесточенный бой с японцами. Полк во главе с доблестным командиром капитаном Проваловым под смертоносным огнем ринулся в атаку и к 20 часам изгнал с высоты и уничтожил японцев. Капитан Провалов получил два ранения, но продолжал умело руководить боем и обеспечил победу над врагом.

Так действовал каждый командир—от командира полка до командира отделения. Рота старшего лейтенанта

[1], [2] и [3] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года тт. Машляку, Бочкареву и Провалову присвоено звание Героев Советского Союза. *(Ред. сборника).*

Дорофея Левченко[1] стойко отражала неоднократные атаки во много раз превышающих сил японцев. Ее командир получил много ранений и все же три раза водил бойцов в атаку.

Мужество и выдержка командира сильнее слов говорили бойцам о воинском долге перед родиной. Пример старшего лейтенанта Левченко зажигал бойцов, и они дрались, как львы.

В третью атаку Левченко не командовал, а, молча поднялся и бросился на врага, увлекая бойцов. Японцы открыли артиллерийский огонь, кругом рвались снаряды, осколки разлетались во все стороны.

С гранатой в одной руке и пистолетом в другой, прорвавшись далеко вперед, Левченко лицом к лицу очутился перед семью японцами. Бросив гранату и стреляя из пистолета, Левченко уничтожил двух японцев. Получив ранение в правую руку, отважный командир взял пистолет в левую и продолжал отбиваться от пятерых пьяных японцев.

Силы были неравные. Еще одно ранение подкосило Левченко, и японец уже занес над ним клинок. Неожиданно из-за прикрытия застрочил пулемет. Заметив, что командир попал в трудное положение, красноармеец Ульянов скосил японцев метким огнем. Раненого, истекающего кровью командира, Ульянов вынес с поля боя.

Младший комвзвод Николай Баринов[2] участвовал в шести атаках против японцев, проявляя безграничную самоотверженность и геройство. Ночью 6 августа в пылу боя он увидел, что раненому командиру батальона грозит гибель от японских штыков. Рискуя собственной жизнью, Баринов бросился на выручку и заколол трех японцев. Он был беспощаден к врагам. 10 августа в числе пяти героев он первым пробился к японскому окопу и в ожесточенной схватке уничтожил противника.

Так же героически дрался командир отделения сапер Василий Раков.[3] Благодаря искусной маскировке его взвод добрался до высоты Заозерной без единой потери. Здесь Раков ринулся в атаку. Расстреливая японцев в упор, забрасывая их гранатами и уничтожая их огневые точки, взвод Ракова выбил врага из окопов и обратил его в бегство. Герой-сапер под градом пуль и осколков снарядов вместе со своими бойцами укреплял отбитую у японцев высоту.

В исключительно тяжелых условиях действовали танкисты. Их мужество и высокая выдержка достойны восхищения. Бессмертный подвиг совершил командир танкового взвода лейтенант Вячеслав Винокуров.[4] Когда выбыл из строя танк командира роты, лейтенант Винокуров принял командование ротой на себя. Его танк прорвался через несколько проволочных заграждений и очутился в окружении врагов. Мужественный лейтенант продержался в осажденном танке 27 часов. В конце концов, уничтожив двух японцев, он вырвался и вернулся

[1, 2, 3 и 4] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года тт. Левченко, Баринову, Ракову и Винокурову присвоено звание Героев Советского Союза. (*Ред. сборника*).

к нашим частям. Во время осады смертью героя погиб механик-водитель танка Семен Рассоха.[1]

Беспредельную преданность родине и героизм проявил в бою командир танка Алексей Тимаков.[2] Его танк был выведен из строя огнем японцев. Тимаков продолжал вести огонь из остановившейся машины, пока не вышли все огнеприпасы. Тогда, сняв с танка пулемет и раздобыв диски с патронами с другой машины, Тимаков забрался на высоту и открыл огонь по противнику. Этим доблестный танкист содействовал успешному выполнению боевой задачи.

Бойцы-дальневосточники, весь советский народ никогда не забудут трех героев-танкистов: командира машины Григория Корнеева[3], механика-водителя Константина Пушкарева[4] и красноармейца Григория Колесникова.[5] Величественен подвиг верных сынов родины, отдавших свою жизнь в бою с японцами! Героический экипаж в одном из боев участвовал в четырех атаках. Его танк неумолимо сокрушал противотанковые и огневые гнезда противника, но был подбит. Экипаж продолжал вести меткий огонь по японцам. Озверевшие враги окружили машину, облили ее горючим и подожгли. Ни один из героев не вышел из горящего танка. Все они погибли вместе со своей машиной, но врагу не сдались.

Вечную славу заслужили имена героев-политработников старшего политрука Ивана Пожарского[6] и политрука Ивана Гвоздева,[7] не пощадивших своей жизни в боях с врагами. Комиссар батальона старший политрук Пожарский сам вел батальон в атаку. Японская пуля ранила его, но он не остановился. Обливаясь кровью, комиссар вел бойцов, являя пример высокого героизма и самоотверженности. Пожарский умер на боевом посту, как большевик.

Политрук Иван Гвоздев, секретарь дивизионной партийной комиссии, пять дней до своей гибели при штурме высоты Пулеметной находился на передовых позициях. Он не впервые встречался с врагом. Еще в 1930 году Гвоздев героически сражался с японо-манчжурскими бандитами. Теперь, как и тогда, он бесстрашно ходил в атаку и громил врага, грудью отстаивая священную советскую землю.

Молодые политработники сталинского призыва, подобно старшим своим товарищам, как истинные бойцы-большевики личным примером вдохновляли красноармейцев на героическую борьбу с захватчиками. Одним из таких героев является заместитель политрука Сергей Бамбуров.[8] Во время боя в районе высоты 588,3, Бамбуров заметил ползущих на нашу территорию японцев. Он встретил их огнем из ручного пулемета. Расстреляв все патроны, Бамбуров один бросился в рукопашный бой с десятком японцев. Осколок гранаты ранил

---

[1], [2], [3], [4], [5], [6], [7] и [8] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года тт. Рассохе, Тимакову, Корнееву, Пушкареву, Колесникову, Пожарскому, Гвоздеву и Бамбурову присвоено звание Героев Советского Союза. *(Ред. сборника).*

в губу храбреца, штык пронзил тело, но Бамбуров продолжал молотить своим пулеметом самурайские головы, пока не сломался приклад. Тогда Бамбуров гранатами пробил себе дорогу и вырвался из окружения, получив еще одну штыковую рану в руку.

Красные артиллеристы гордятся героем-лейтенантом Иваном Лазаревым,[1] командиром взвода противотанковой обороны. 31 июля, в бою в районе озера Хасан, Лазарев, разметав противотанковые орудия и пулеметные гнезда японцев, под артиллерийским огнем противника выдвинул свою батарею на открытую позицию и прямой наводкой уничтожил врагов. Раненый, он оставался в строю до конца боев.

Красные летчики с воздуха громили японские батареи и укрепления. Герой-штурман старший лейтенант Андрей Боровиков[2] во время бомбежки позиций противника вынужден был выпрыгнуть с парашютом и приземлиться на территории, занятой противником. Пытаясь пробраться к своим, Андрей Боровиков погиб смертью героя в неравном бою с японцами.

В дни боев любой становился героем. Огонь священной ненависти к японским захватчикам горел в груди каждого советского человека. Младший зубной врач N полка военврач 2-го ранга Борис Бегоулев[3] при взятии высоты Заозерной находился в самом центре сражения, сам выносил с поля боя раненых, под вражеским огнем оказывал медицинскую помощь выбывшим из строя бойцам и командирам. Самоотверженный врач был ранен в бою.

Японские захватчики получили жестокий отпор и выброшены из пределов советской земли. Грозная и непобедимая стоит на страже советского Приморья 1-я Отдельная Краснознаменная армия. Ее полки, ее батальоны и роты, ведомые славными из славных—героями отпорных боев у озера Хасан, находятся в постоянной боевой готовности. Если японская военщина снова попытается напасть на наши границы, ее ожидает такой же бесславный разгром, как и в памятные августовские дни.

„Красная звезда". 12 октября 1938 г.

Л. Сафонов.

БЕССТРАШНЫЕ ПОГРАНИЧНИКИ

В боях с японцами у озера Хасан особое мужество, твердость и геройство проявили командиры-пограничники.

Бойцы-пограничники, несмотря на явное численное превосходство противника, первыми приняли на себя удар, вступили в рукопашную схватку с японцами, предпочитая умереть, чем уступить врагу.

Боевая слава этих героев разнеслась далеко за пределы

[1, 2 и 3] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года тт. Лазареву, Боровикову и Бегоулеву присвоено звание Героев Советского Союза. *(Ред. сборника).*

передовых позиций. Об их делах говорили в соседних подразделениях, рассказывали в госпиталях, в частях 1-й Отдельной Краснознаменной армии. На их примерах воспитывались десятки и сотни героических бойцов.

Лейтенант Алексей Максимович Махалин[1] 29 июля, в числе одиннадцати пограничников, первым принял на себя удар японцев. Мужественно обороняясь, коммунист Махалин метким огнем поражал японцев, наступавших на высоту Заозерная. Горсть бойцов, воодушевленная личным примером своего лейтенанта, ринулась в атаку на врага, во много раз превышавшего своей численностью. Из одиннадцати пограничников пять были убиты. Смертью храбрых пал и лейтенант Махалин. Все остальные герои были ранены. Но, не отступая ни на шаг, они продолжали вести бой с наседающими японцами и не покинули высоты до подхода подкрепления.

С первых же дней боев мужественно сражался за высоту Заозерная комсомолец Василий Михайлович Веневитин.[2] Увлекая за собой в атаки бойцов, он вызывал восхищение своим бесстрашием. Снайперским огнем Веневитин уничтожал японцев, бился до последнего патрона и не оставил поля боя, даже будучи раненым. После перевязки он ринулся снова в самую гущу боя и пал смертью храбрых.

Исключительное мужество и геройство при защите родины проявил лейтенант Петр Федорович Терешкин.[3] В бою за высоту Заозерную коммунист Терешкин командовал ротой, сражаясь против усиленного японского батальона. С лозунгами „За родного Сталина!", „За счастье народа!", „За Сталинскую Конституцию!" он неоднократно водил бойцов в атаки и контратаки, сам всегда находясь впереди. Когда в решительный момент боя погиб пулеметчик, Терешкин сам залег за пулемет и начал косить наступавших японцев. Здесь он был ранен осколком гранаты. Он продолжал командовать ротой. И будучи трижды ранен, несмотря на большую потерю крови, он не оставил поля боя, а повел своих пограничников в новую атаку на врага.

Долго сражался героический лейтенант. Он истекал кровью, но не покидал своего поста. И лишь после восьмого ранения его, совсем обессиленного, младший командир Батаршин вынес с поля боя.

Когда лейтенант Терешкин выбыл из строя, командовать ротой стал младший комвзвод Иван Давыдович Чернопятко.[4] Своим героизмом комсомолец Чернопятко восхищал и воодушевлял бойцов. С горсточкой бойцов-пограничников, отражая яростные атаки японцев, он кидался с фланга на фланг, всегда поспевая на выручку товарищам.

Осколками гранаты его тяжело ранило в голову и в грудь, но он до конца боя не покидал строя, продолжая уничтожать ненавистных врагов.

---

[1], [2], [3] и [4] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года т.т. Махалину, Веневитину, Терешкину и Чернопятко присвоено звание Героев Советского Союза. *(Ред. сборника).*

510750.

Натиск целого взвода японцев отражал командир отделения непартийный большевик Галифан Аббубекирович Батаршин[1] с двумя бойцами. Его снайперский огонь заставлял вражеские пулеметы умолкать один за другим. А когда японцы попытались окружить отряд пограничников, Батаршин ловким маневром привлек на себя огонь противника и обеспечил отход раненых бойцов.

Шальная пуля попала ему в ногу, но он меньше всего думал о себе. Он бросился спасать истекавшего кровью лейтенанта Терешкина. Перевязав его раны, он под огнем противника вынес своего командира с поля боя.

...Неувядаемой славой покрыли себя пограничники—герои Хасана, защищая свою родину от японских налетчиков. Они показали чудеса героизма, отваги и мужества.

„Красная звезда", 17 октября 1938 г.

Бор. Ривчун.

СЕРГЕЙ БАМБУРОВ

Разыгрался ветер. Тяжелые свинцовые тучи закрыли небосклон. От этого ночь становилась еще темней и угрюмей. Вспышки молний озаряли окрестности. Вскоре хлынул дождь.

Тщательно маскируясь, человек шел вдоль границы. Временами, затаившись у кустарника или камня, он чутко прислушивался.

Вот он ловко перепрыгнул через небольшой ров, потом прилег и тихо на четвереньках подполз к ветвистым зарослям.

— Кто?—послышался тихий, но твердый голос из-за кустарника.

— Это я, заместитель политрука Бамбуров... Как здесь дела, товарищ Латыпов?—спросил пришедший.

— Все спокойно,—последовал ответ.

— Так вот что, Латыпов,—продолжал заместитель политрука,—сведения, о которых говорил лейтенант Зарувимский, подтверждаются. В эту ночь японцы собираются нарушить границу. Ведите беспрерывное наблюдение, запомните условный сигнал — щелчок прицельной рамки о колодку. Услышите подозрительное шевеление в кустах или крик птицы—обо всем докладывайте.

— Есть за всем следить и обо всем докладывать.

Было около двух часов ночи. Дождь лил не переставая. Напряженная зловещая тишина охватила границу. В окопах у своих пулеметов залегли пулеметчики Дударев, Панков, Тарасенко. В низкорослом дубняке, в секрете, лежал пулеметчик Матасов. Заместитель политрука Сергей Бамбуров подполз к нему.

— Ну, что у вас нового?—спросил он у пулеметчика.

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1938 года т. Батаршину присвоено звание Героя Советского Союза (*Ред. сборника*).

Не успел Матасов ответить, как вдруг с трех сторон раздвинулись кусты. Метеором взвилась ракета. Пронесся истошный крик „банзай". Не оставалось никаких сомнений: враг ворвался на советскую землю. Не теряя времени, Матасов схватил винтовку. С криком „ура" он один ринулся на врагов.

Заместитель политрука не растерялся. В школе младших командиров, где он раньше учился, Бамбуров считался отличным пулеметчиком, в совершенстве знающим пулемет Дегтярева. Уверенно приложив приклад пулемета к плечу, он начал поливать трассирующими пулями обнаглевших японцев. Враги поняли, что взять Бамбурова лобовой атакой не удастся. Они окружили отважного заместителя политрука.

Выпустив из диска последние патроны, Бамбуров приготовился вступить в единоборство с группой захватчиков.

— Живым не дамся. Умру, но дорого им достанется моя жизнь,—решил он.

Со всех сторон слышался шорох ползущих людей. Вот они один за другим поднимаются и, размахивая винтовками, идут на него. Богатырская сила пробудилась в эти минуты в Бамбурове. Схватив пулемет за ствол, он бросился навстречу врагу и начал прикладом наносить японцам смертельные удары.

Вдруг из-за дерева, с винтовкой наперевес, вынырнул человек. Искрой промелькнул перед глазами блеск штыка. Что-то холодное, скользящее врезалось в кисть руки. Отскочив в сторону, Бамбуров высоко занес над собой пулемет и со всего размаха ударил им по голове японца. Приклад отломился.

Воспользовавшись замешательством в рядах самураев, Бамбуров подбежал к дереву и, укрывшись за ним, бросил гранату. Японцы в панике разбежались. Расчистив себе гранатой путь, Бамбуров вышел из окружения.

И когда он был уже вне опасности, Бамбуров вспомнил вдруг о планшете с документами, который остался в пулеметном окопе. Быстро обогнув место схватки, он, прежде чем снова ринуться в самую гущу захватчиков, бросил в них вторую гранату. Затем бесстрашно подбежал к окопу и спас документы.

Как только Бамбуров вышел в безопасное место, открыли огонь пулеметчики Панков, Дударев и Тарасенко. Завязался бой. Несмотря на ранение, Бамбуров перебегал от одного пулеметного расчета к другому. Он указывал пулеметчикам направление огня. Вдруг от мощного красноармейского „ура" сотрясся воздух: к месту боя подоспело подразделение, которым командует тов. Зарувимский.

Японцы панически бежали с советской территории.

На рассвете, когда из-за сопок выглянуло багрово-красное солнце, по дороге к пограничной заставе шел, пошатываясь, Сергей Бамбуров. На опухшей нижней губе его алела запекшаяся кровь. Рассеченная рука безжизненно повисла. К нему подбежал комиссар и, тепло обняв его, от всего сердца поблагодарил за проявленный при защите советских границ героизм.

В этот день родителям героя—Никанору Леонтьевичу и Серафиме Петровне Бамбуровым была отправлена телеграмма в село Ворошилово, Сок-Кармалинского района, Оренбургской области. Командование части благодарило их за замечательного сына-патриота. В телеграмме было сказано, что сын их легко ранен, находится в госпитале, чувствует себя хорошо.

...Госпиталь в Гродеково. Сюда потянулись рабочие, работницы, ученики, колхозники. Они приносили герою букеты живых цветов, подарки, пламенные письма. А парторганизация поселка Гродеково преподнесла ему ручные часы.

Через день Сергей Бамбуров получил из дома телеграмму. В ней отец героя писал:

„ДОРОГОЙ СЫН СЕРЕЖА, МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ, ЧТО НА ТВОЮ ДОЛЮ ВЫПАЛА БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ ЗАЩИЩАТЬ НАШИ ГРАНИЦЫ ОТ ЯПОНСКИХ НАЛЕТЧИКОВ. ЕСЛИ НУЖНО БУДЕТ, ТО ТВОИ БРАТЬЯ ГОТОВЫ ВЫСТУПИТЬ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ.

МЫ ЖИВЕМ В КОЛХОЗЕ ПРЕКРАСНО. ДОМ НАШ КОЛХОЗ ОТРЕМОНТИРОВАЛ. ИМЕЕМ КОРОВУ И ТЕЛКУ.

ТЕБЕ ПРАВЛЕНИЕ КОЛХОЗА КУПИЛО ПАТЕФОН И ВЕЛОСИПЕД. ВСЕ КОЛХОЗНИКИ КРЕПКО БЛАГОДАРЯТ ТЕБЯ ЗА ТВОЮ ПРЕДАННОСТЬ РОДИНЕ. МЫ РЕШИЛИ НАПИСАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ ТОВАРИЩУ ВОРОШИЛОВУ С ПРОСЬБОЙ, ЧТОБЫ ТВОИХ БРАТЬЕВ НИКОЛАЯ, ВАСИЛИЯ, ГРИГОРИЯ, ФЕДОРА ЗАЧИСЛИЛИ В РЯДЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ.

Я, СЫНОК, ЕЩЕ САМ КРЕПКО МОГУ ДЕРЖАТЬ ВИНТОВКУ. И ЕСЛИ НАДО, ТО ВМЕСТЕ С ВАМИ БУДУ ЗАЩИЩАТЬ НАШУ РОДИНУ".

Первая Отдельная
Краснознаменная армия.

„Правда", 12 октября 1938 г.

П. Огин.

МЛАДШИЙ КОМВЗВОД НИКОЛАЙ БАРИНОВ

Молодые, еще не обстрелянные бойцы задают Николаю Баринову вопрос:

— А страшно было вам, товарищ командир?

Он уверенно отвечает:

— Если знаешь за что борешься, совсем не страшно.

Простой, скромный человек, он не любит рассказывать о себе, но в то же время может часами говорить о своем героекомандире Бочкареве, о своих героях-друзьях Комарицыне, Старостине.

Эту любовь к командиру, эту дружбу особенно скрепили бои.

Однажды ночью в атаке Баринов и Старостин спасли жизнь капитана Бочкарева. Они уничтожили трех японцев, которые подкрались к их командиру. Было темно. Шел бой. Бочкарев не успел разглядеть двух храбрецов, которые избавили его от гибели. После атаки он спрашивал у всех:

— Товарищи, кто это был со мной рядом?

Все молчали, но капитан все-таки выяснил, кто спас его жизнь. Со словами „спасибо, герои", он пожал руки Баринову и Старостину. Больше ничего не было сказано.

Накануне боев Баринов стал комсомольцем. В первый же день он был ранен в правое плечо. Когда товарищи перевязали ему рану, он снова пошел в атаку. Сражался шесть дней подряд. В батальоне все были людьми отважными, смелыми, но бесстрашие Баринова все же поражало остальных.

В последние дни боев младший комвзвод Комарицын был назначен командиром роты. Взводами командовали его друзья Баринов и Старостин. Рота получила приказ атаковать японцев на высоте Безымянной. Три друга устремились вперед, увлекая за собой бойцов, забрасывая врага гранатами. Они опередили роту на несколько метров. Когда они перескочили через проволочное заграждение, разрушенное нашей артиллерией, враг открыл бешеный заградительный огонь. Рота вынуждена была залечь.

Три младших комвзвода, случайно оторванные от своих бойцов, стояли на кромке японского окопа, лицом к лицу с врагами. Увидев перед собой трех советских богатырей, японцы пришли в смятение. Они закупорили своими телами ходы сообщения, колотили друг друга, стремясь поскорее спрятаться под землю. Многие, не дыша, стояли за козырьками окопа. Первым опомнился офицер. С бомбой в руках он выскочил из-за козырька, но был тут же уложен выстрелом Комарицына. Второго японца постигла та же участь. Свалился и третий. Стоило кому-нибудь выползти из норы, как меткая пуля Комарицына, Баринова или Старостина сражала его. Баринов уже зарядил вторую обойму. В это время он увидел новое скопление японцев у хода сообщения. Один миг и его граната метко летит в цель...

У Комарицына и Старостина вышли все боеприпасы. У Баринова оставалось всего одна граната. Он заметил, что на левом фланге японцы начинают приходить в себя. Они выползали из укрытий, двигались по окопу. Баринов с единственной гранатой в руке побежал вдоль окопа туда, откуда японцы готовили удар.

Враги, завидев его, бросились наутек. Второпях они толкали друг друга, падали. В эту свалку Баринов бросил последнюю гранату. Раздались крики, стоны.

Теперь нужно было уходить. Баринов обернулся назад. Путь ему перерезали проволочные заграждения. Одним прыжком перемахнул через проволоку. Разгоряченный боем, он забыл о предосторожностях и шел к товарищам во весь рост. Но ни

единого выстрела не раздалось из японских окопов: враги не могли отделаться от испуга.

Баринов присоединился к своим. Тем временем наша артиллерия заставила замолчать японские огневые точки. Заградительный огонь прекратился...

Возвратившись к роте, три отважных командира стали готовиться к новой атаке. Но ее осуществить не удалось. Было объявлено перемирие...

Обучая своих бойцов, передавая им опыт хасанских боев, младший комвзвод Николай Баринов часто повторяет:

— Когда знаешь за что борешься, ничто не страшно. Все можно преодолеть, всего можно достигнуть.

1-я Отдельная
Краснознаменная армия.

„Красная звезда", 14 октября 1938 г.

П. Будыкин.

КАПИТАН БОЧКАРЕВ

Батальон, которым командует капитан Михаил Степанович Бочкарев, к моменту прихода на боевые позиции стал почти целиком партийно-комсомольским.

Сам товарищ Бочкарев, в прошлом сапожник, „саратовский Мишка", как он называл себя, тоже подал заявление о приеме его в ряды коммунистической партии.

Батальон слыл морально крепкой, хорошо сколоченной воинской частью. Когда он достиг исходного положения, капитан обошел все роты, уточнил расположение подразделений, установил связь.

Бойцы и командиры приветливо встречали капитана Бочкарева. Они знали его всегда спокойным, хладнокровно отдающим распоряжения, жизнерадостным весельчаком и шутником. Таким он остался и в дни боя.

Хладнокровие и неизменно веселое настроение командира вдохновляли весь личный состав, подымали его боевой дух. Батальон спокойно и организованно готовился к бою.

И когда он пошел на врага, капитан Бочкарев был душой наступления, комбат появлялся там, где необходимость его присутствия диктовалась обстановкой боя, где требовались личный пример командира и его четкие приказания.

Бойцы, весь командный и начальствующий состав батальона высоко ценили и уважали своего командира. На поле боя это чувство любви и уважения проявлялось еще сильнее. Красноармейцы, увлеченные боем, мужественно сражаясь с японцами, не забывали о своем командире. В разгаре одной из атак на товарища Бочкарева устремились два японца с гранатами. Командиру батальона угрожала смертельная опасность. Это заметил младший комвзвода Баринов и быстро пришел на помощь комбату. Презирая опасность, он ринулся на японцев и заколол их.

Жизнь комбата была спасена. И не в одной еще атаке, до самой победы над подлыми захватчиками воодушевляюще, призывно звенел голос Бочкарева:

„За Сталинскую Конституцию—вперед, товарищи!"

Чувство взаимной помощи и поддержки друг друга в бою широко развито среди всего личного состава батальона. У озера Хасан бойцы и командиры очень часто приходили друг другу на выручку, и враг, которому казалось, что он уже наметил себе жертву, попадал сам на мушку нашего меткого стрелка или оказывался пронзенным штыком бесстрашного красноармейца.

Тот же младший комвзвода Баринов спас жизнь своего товарища Комарицына. Он пристрелил японского снайпера, когда тот прицелился в Комарицына, командовавшего подразделением. Комарицын в свою очередь застрелил двух японских офицеров, напавших в одной из рукопашных схваток на Баринова.

Таких примеров взаимной боевой выручки в батальоне было очень много. Батальон Бочкарева умело и организованно дрался с заклятыми врагами нашей родины.

Он несколько раз ходил в атаку. Все они были продуманы и успешны. Пядь за пядью отнимал он захваченную врагом землю, пока не взвился на сопке Заозерной наш красный советский флаг.

Организованность, хладнокровие, взаимная выручка в бою, священный гнев к врагу, мужественная решимость уничтожить его сделали свое дело: враг был разбит и жестоко проучен.

Отличная боевая выучка красноармейцев, высокое политическое сознание, большевистская сплоченность бойцов и командиров дали батальону возможность достигнуть победы малой кровью. Наименьшие потери понес именно батальон капитана Бочкарева, несмотря на то, что он имел перед собой хорошо укрепившегося и окопавшегося противника.

Сам товарищ Бочкарев ни в чем не изменился за дни боев. Он только похудел, но попрежнему весел, общителен и еще более любим красноармейцами.

Батальон прочно закрепился на родной земле. Сейчас бойцы, командиры и политработники на основе боевого опыта, полученного у озера Хасан, еще выше поднимают качество боевой и политической подготовки.

Закаленный боевым опытом, овеянный славой героических заозерных боев, батальон капитана Бочкарева в любую минуту готов снова пойти на врага и уничтожить его на той территории, откуда тот придет.

Тогда вновь во главе батальона будет его бесстрашный командир, испытанный сын нашей коммунистической партии, капитан Бочкарев, и снова воодушевляюще и призывно будет звучать его голос:

„За Сталинскую Конституцию—вперед, товарищи!"

Первая Отдельная
Краснознаменная армия.

„Правда", 12 октября 1938 г.

СЕКРЕТАРЬ ДИВИЗИОННОЙ ПАРТКОМИССИИ ГВОЗДЕВ

Когда политрук Иван Гвоздев услышал о наглой провокации японцев, он прежде всего подумал о своей роте. Он совсем недавно, всего несколько месяцев назад, ушел временно из нее. Но и теперь, работая секретарем дивизионной партийной комиссии, он помнил каждого бойца. Политруком в роте остался его заместитель—молодой и энергичный товарищ.

Гвоздев поспешил в свою роту.

Это было 30 июля. Он ехал в автобусе к месту расположения полка. У всех пассажиров было одно дело: заслышав о налете японцев, командиры спешили в свои части.

...Они не виделись долгое время. Когда-то, много лет назад, они служили в одной части. Потом пути разошлись. В сутолоке повседневной горячей работы лишь изредка вспоминал капитан Перепечко своего старого друга Ивана Гвоздева—рослого, стройного, светловолосого, с неизменной широкой улыбкой. Политрук был всеобщим любимцем и душою роты.

Капитан Перепечко—работник штаба—тоже ехал к Заозерной. В автобусе произошла встреча двух друзей.

— Здорово, Гвоздев, куда едешь?

— На фронт! Там моя рота. Разве можно в такие дни усидеть в тылу!

Это было так на него похоже. Трудно себе представить Гвоздева вне массы. В бытность политруком он приходил в роту сразу после подъема и оставался с бойцами весь день—до самого отбоя. Бойцы быстро привыкали к нему, всегда обращались по всем делам и каждый знал, что найдет в Гвоздеве чуткого начальника и хорошего товарища.

И теперь, когда рота выступала в бой, он считал невозможным для себя остаться в стороне.

Переночевали на командном пункте. Была душная ночь. Два друга прилегли прямо на земле, под машиной, подстелив плащ. А когда на заре капитан проснулся, Гвоздева уже не было.

В то же утро он появился в своей роте. С какой радостью встретили бойцы своего любимого политрука!

Получил винтовку, пистолет, обвесился гранатами.

— Пошлю японцам гостинец,—говорил он.

Вскоре пришел приказ о выступлении. Гвоздев провел с бойцами короткую беседу, рассказал о создавшемся положении, о том, как японские налетчики посягнули на священные границы Советского Союза.

— Так неужели мы дадим врагу топтать нашу землю?—спрашивал политрук у своих товарищей бойцов.—Мы сумеем постоять за нашу родину, за счастливую жизнь!

Рота пошла в атаку на сопку Пулеметную. В первых рядах, с гранатой в руке, шел большевик Гвоздев.

Японцы не выдержали натиска. На левом фланге, за грудой камней, Гвоздев заметил группу окопавшихся врагов. Одна за

другой в японцев полетели три гранаты. Он оказался не только умелым политруком, но и метким гранатометчиком. Целый взвод японцев был разбит им.

Атака прошла блестяще. Противника отогнали на новый рубеж. Рота Гвоздева залегла у самого подножья Пулеметной. С 3 по 8 августа Гвоздев все время находился на передовых позициях, участвуя в боях. 8 августа часть получила задание занять высоту Пулеметную, выгнать японских захватчиков с советской земли.

Политрук Гвоздев повел свою роту во вторую атаку.

Очевидцы припоминают эти последние минуты героя. Он поднялся во весь рост, обернулся к товарищам, весело, по своей привычке, улыбнулся, и бойцы услышали его знакомый голос:

— Вперед! Постоим за родину! Ура!

Мощное „ура" было ему ответом. Бойцы, как один, ринулись за ним. Гвоздев, увлекая за собой товарищей, как и в первый раз, был впереди. Стремительность атаки была так велика, что японцы не успели опомниться, как наши доблестные бойцы оказались у самых окопов. В японцев посыпались ручные гранаты.

Гвоздев оказался лицом к лицу с группой японцев. Кинув гранату, он, не давая врагу притти в себя, прыгнул в окоп. Товарищи видели, как он, действуя штыком и прикладом, уничтожил оставшихся в живых нескольких самураев и выскочил на бруствер. Здесь его сразила вражеская пуля. Она попала ему в грудь.

Смертельно раненный, Гвоздев опустился на бруствер. К нему подбежал командир роты. Политрук пошевелил губами, хотел что-то сказать, но не нашел сил. Он прикоснулся только к руке командира. Это было последнее рукопожатие умиравшего друга.

Атака продолжалась. Сопка Пулеметная была взята.

12 августа бойцы хоронили погибших товарищей. Земля, обильно политая кровью лучших сынов советского народа, приняла тела павших в бою героев. Вместе с другими героями был похоронен и политрук Иван Гвоздев.

Память о пламенном большевике и патриоте Иване Гвоздеве, отдавшем жизнь за советскую родину, будет всегда жить в наших сердцах.

„Красная звезда", 18 октября 1938 г.

Г. Дворецкий.

ЛЕЙТЕНАНТ ИВАН ЛАЗАРЕВ

Бой был в разгаре. Наши пехотные части, преодолевая топкую болотистую местность, успешно продвигались вперед. Основной удар наносился по правому флангу противника с задачей атаковать японцев, засевших на высоте Безымянной. Передовые подразделения, уже близкие к цели, производили накапливание и готовились к атаке.

На участке, где действовал командир артиллерийского взвода лейтенант Иван Романович Лазарев, налетчики сосредоточили большое количество огневых средств. Внезапно с правого фланга по наступающим частям был открыт сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Этот огонь приковал пехоту к земле. Наступление замедлилось.

Это трудное для пехоты положение заметил лейтенант Лазарев. Артиллеристы быстро пришли на выручку пехоте.

Смело выкатив орудие на открытую позицию, тов. Лазарев прямой наводкой начал поражать огневые точки японцев. Указывая цели и подавая команду, тов. Лазарев сам вел огонь из одного орудия, метко поражая вражеские огневые точки. Замолчало одно японское орудие, за ним другое, третье. В пулеметной трескотне и гуле артиллерийской канонады мощно звучит голос Лазарева:

— Перенести огонь по пулеметам!

Вслед за этой командой тов. Лазарев посылает снаряд за снарядом по японским „гочкисам".

Японцы открыли бешеный огонь по отважным артиллеристам. Шальная пуля ожгла правое плечо героя-лейтенанта. Несмотря на боль, он продолжает стрелять и командовать. У японского пулемета взметнулся столб земли. Посланный Лазаревым снаряд достиг цели. „Гочкис" умолк. Больше уже ему не придется стрелять.

Недолго продержались и остальные пулеметы. Метким огнем Лазарев заставил их замолчать. Путь для пехоты был очищен. Радостно билось сердце лейтенанта, когда он увидел, как смело поднялась пехота и решительным броском смяла врага. В страхе и панике японцы бежали с высоты, не успев захватить убитых и раненых. Да и трудно было бы это сделать: все поле боя было усеяно сотнями раненых и убитых японцев.

В этом бою лейтенант Лазарев проявил исключительную стойкость, мужество, инициативу. Раненого, его с трудом удалось заставить уйти на пункт медицинской помощи. Но недолго пробыл там отважный сын родины. Через день он снова прибыл на фронт и заявил, что не уйдет с поля боя, пока не будет уничтожен последний налетчик.

В течение всех боев коммунист Лазарев громил японских бандитов, уничтожив много вражеских орудий и пулеметов.

Так сражался верный сын партии Ленина—Сталина, бесстрашный герой лейтенант Лазарев. Сейчас в обстановке мирной учебы тов. Лазарев попрежнему является примером для своих бойцов, вкладывая все силы в их обучение и воспитание.

1-я Отдельная
Краснознаменная армия.

„Красная звезда", 18 октября 1938 г.

В. Ходаков.

БОЛЬШЕВИК МАШЛЯК

В боях у озера Хасан прославился своим героизмом ответственный секретарь партийного бюро N-ского стрелкового полка Иван Никонович Машляк. Он шел в бой в рядах третьего батальона, высланного на помощь пограничникам в первые дни японской провокации. Машляк знал, где полагается быть в такие часы партийному руководителю полка. Ответственный секретарь пришел на самый опасный участок и вместе с головным отрядом бойцов и командиров части принял боевое крещение.

У высоты Заозерной Машляк показал, как должен действовать партийный руководитель в бою. Он не подставлял безрассудно грудь под пули врагов, не бравировал своей храбростью. Партия поручила ему политически обеспечить успех операции, и он во главе коммунистов и комсомольцев прекрасно выполнил задание. Дело заключалось, конечно, не только в том, чтобы зажечь бойцов речами и лозунгами. В бой шел большевик-руководитель, отлично владеющий оружием большевизма и военной техникой, связанный с массами, хорошо подготовленный тактически, человек высокой личной отваги.

С N-ским полком связаны лучшие годы жизни Машляка. В этой части он работает непрерывно в течение девяти лет. Юные годы Машляк провел в селе Родина, Алтайского края. Вместе с отцом работал общественным пастухом, потом батрачил. В 1929 году он ушел в Красную Армию. Его назначили на Дальний Восток, и здесь, в полку, началась военная биография Машляка. Из рядового бойца вскоре вышел отличный лейтенант, страстно отдававший все силы изучению военных наук, воспитанию бойцов.

Три года Машляк командовал подразделением снайперов. В полку знали, что самым искусным из них является командир. Из своей винтовки с оптическим прицелом он стрелял без промаха. В полку Машляк вступил в партию. Через некоторое время партийная организация избрала его, лучшего строевого командира, вышедшего из самой гущи бойцов, ответственным секретарем.

В дни боев у озера Хасан он проявил себя прекрасным политическим и военным руководителем. В центре его внимания всегда были люди—бойцы и командиры. Машляк твердо помнил завет партии о том, что самое дорогое наше сокровище—это человек. Люди решают успех любого дела, обеспечивают победу. Под жесточайшим огнем артиллерии и пулеметов Машляк и другие коммунисты учили красноармейцев искусству победы малой кровью.

Урок был необходим. Часть состояла из людей беспредельно отважных, презиравших опасность. Они могли встать во весь рост под пулями, чтобы лучше рассмотреть поле боя, или, усевшись на бруствере окопа с биноклем, командовать огнем. Так иногда бывало в первые дни. Но зорок был глаз большевиков. Голос партийного руководителя предостерегал. Требо-

вание партийной организации—беречь людей, беречь силы!—стало законом в бою. И полк, побывав в жесточайших схватках, сохранил свои силы для решительного удара.

Машляк всегда был вместе с бойцами на самых ответственных участках. Красноармейцы видели в нем политического руководителя—боевого товарища, отлично разбирающегося в боевой обстановке, прекрасно владеющего оружием. Как-то в бою ранило красноармейца Корпеева. Машляк забрал его винтовку и не расставался с нею. Он ложился рядом с красноармейцами, и меткие пули лучшего снайпера части выбивали японских офицеров, пулеметчиков и гранатометчиков. Огонь врага слабел.

Нужно сказать, что искусством меткого огня владели почти все коммунисты части. В дни лагерной учебы партийное бюро полка добивалось, чтобы каждый коммунист был снайпером. И в боях у Хасана пули большевиков-снайперов наносили серьезный ущерб японцам.

Машляк дрался вместе с бойцами, но никогда не забывал об обязанностях партийного руководителя. Все свои силы он отдавал делу политического обеспечения боя. Он мобилизовывал партийную и комсомольскую организации на лучшее выполнение боевых задач. Коммунисты и комсомольцы были душой боя, показывали образец мужества, стойкости, инициативы в бою.

В те дни к партии, к комсомолу тянулись сотни отважных бойцов, стремившихся породниться с партией навсегда. Они передавали Машляку, политрукам заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б).

В партийной организации полка были потери. Коммунист-лейтенант Глотов был убит в момент, когда он призывал бойцов совершить яростный штыковой удар. Пуля врага сразила бесстрашного большевика старшего лейтенанта Шустрова, близкого друга Машляка. Были и другие жертвы. Но ряды партийной организации не поредели. Она выросла в бою. В дни, предшествовавшие штурму высоты Заозерной, полевая сумка Машляка наполнилась множеством заявлений. Бойцы и командиры просили принять их в партию.

„Хочу итти в бой коммунистом. Если придется умереть за родину—умру партийным большевиком“,—писал в своем заявлении старший лейтенант Змеев.

Много сотен испытанных в бою людей принял в свои ряды и комсомол.

Полк был в горячих схватках. Он хладнокровно выдерживал исступленную стрельбу японских батарей, ливень пулеметного и ружейного огня. Полк героически отбивал все атаки противника, и японцы с визгом откатывались, устилая поле сражения трупами. И в минуты самых жарких схваток бойцы видели в первых рядах ответственного секретаря партийного бюро Машляка.

В бою Машляк был два раза ранен—в плечо и голову. Несмотря на боль и потерю крови, он не оставил поля сражения. Он трижды ходил в атаку, заражая своим бесстрашием и волей к победе всех бойцов части.

Во время сражения был ранен командир батальона Розовеев, Машляк принял на себя командование батальоном. Он обнаружил блестящие командирские способности. Прекрасное знание людей и их способностей давало ему возможность с максимальным успехом решать боевые задачи.

6 августа Машляк повел свой батальон на штурм высоты Заозерной. С возгласом: „За товарища Сталина, в штыки, за мной!"—он поднял бойцов. Подобно грозному шквалу, ринулся вперед большевистский полк, уничтожая врага штыком и огнем.

Машляк первым ворвался на высоту. Герой-большевик водрузил на сопке красный флаг социалистической родины.

„Правда", 20 октября 1938 г.

М. Яковлев.

КОМИССАР НИКОЛАЕВ

Всю ночь шел проливной дождь. Он размыл дороги, и люди шагали по колено в грязи. Даже автомобили и танки с трудом пробивали себе путь среди этого месива глины и песка.

В эту памятную ночь доблестные полки шли к озеру Хасан, чтобы дать отпор японским захватчикам. С колонной войск ехал начальник политуправления 1-й Отдельной Краснознаменной армии бригадный комиссар Андрей Семенович Николаев. Он то обгонял движущиеся части, то задерживался, пропуская их вперед.

Комиссар шел вместе с колонной пехотинцев и шагал по грязи. Он заботливо расспрашивал красноармейцев, чем их кормили на ужин, не болят ли ноги и знают ли они, куда следует их полк. Комиссар радостно улыбался. Он неизменно слышал один ответ:

— Японцы обнаглели, пора рассчитаться.

Николаев шагал дальше, подходил к танкистам, расспрашивал их о состоянии машин, вооружения, о настроении.

Вместе с войсками начальник политуправления прибыл на фронт. Быстро ознакомившись с обстановкой, он узнал, что японцы заняли высоты Безымянную и Заозерную. Положение было напряженное, особенно на одном из участков на левом фланге, с которым была потеряна связь.

— Оседлать коней!—приказал Николаев и в сопровождении нескольких красноармейцев направился на левый фланг.

Небольшая группа всадников, покинув штаб, вскоре скрылась в ночной тьме. Ехали тихо, чтобы не привлечь внимания находившихся поблизости японцев. Скрывались в лощинах и канавах, наполненных водой. Кони вязли в липкой земле. Дождь не прекращался. Наконец, раздался заглушенный окрик: „Кто идет?" Это была часть, о судьбе которой не было известно несколько часов.

Часть готовилась к атаке. Комиссар Николаев обошел подразделение, беседовал с бойцами. Потом он взял винтовку и

занял место в боевой колонне. И когда раздалась команда: „В атаку!", гулко разнесся по полю голос комиссара Николаева:

— За родину, за Сталина—вперед!

Боевой приказ был выполнен.

Уже две ночи провел начальник политуправления в поле рядом с красноармейцами. Глубокой ночью Николаев объезжает части, едет туда, где сегодня предстоит жаркая схватка с японскими захватчиками. Николаев недавно был назначен начальником политуправления армии. На фронте состоялось его первое знакомство с людьми. Но скоро его уже знали, как своего боевого товарища, не только командиры и политработники, но и бойцы, среди которых он проводил дни и ночи.

— Товарищ комиссар,—обращались к нему красноармейцы,— садитесь с нами пообедать.—И Николаев присаживается на сырую землю, берет котелок с горячими, вкусно пахнущими щами и с аппетитом ест.

В эти минуты завязывалась оживленная, дружеская беседа. Комиссар рассказывал бойцам о всем виденном на других участках фронта, о героизме красноармейцев и командиров.

В решающие дни артиллерийская дуэль достигла высшей точки своего напряжения. Грохот орудий буквально потрясал землю. Надо было во что бы то ни стало подавить артиллерию японских захватчиков. Николаев едет на наблюдательный пункт, где корректируется огонь нашей артиллерии.

— Давайте работать вместе,—говорит он окружившим его командирам.

И он подает всем пример бесстрашия. Под свист пуль садится Николаев на бруствер и ведет наблюдение. Он не нагибается даже тогда, когда над ним проносятся вражеские снаряды.

— Не дождутся японцы нашего поклона,—говорит он со смехом.

Артиллеристы смело ведут наблюдение и весело улыбаются, глядя на бесстрашие героического комиссара. Огонь нашей артиллерии заставил замолчать артиллерию противника. Путь наступающей пехоте был открыт. Тогда Николаев покинул наблюдательный пункт и возвратился на передовые позиции.

Стремительной атакой взята высота Заозерная, но противник не оставляет попыток захватить советскую землю. Красноармейцы встречают самураев ураганным огнем, и они откатываются назад, оставляя на поле битвы раненых и убитых.

Как только умудрялся Николаев пробираться под градом пуль от окопов до командных пунктов! Но его видели всюду, и обычно тогда, когда наступал самый решающий момент.

Возник вопрос о том, какие силы сосредоточил противник на одной из важных в стратегическом отношении сопок.

— Сейчас мы это проверим,—говорит Николаев.

Он отбирает группу смельчаков и отправляется на разведку. Ползком подбираются они к опасному месту. До расположения японцев уже не больше 70 метров. Тогда Николаев и его товарищи открывают огонь. Самураи, не разобравшись, в чем дело,

начинают с испуга бить из всех пулеметов и винтовок. Расположение огневых точек противника разведано.

— Теперь ясно,—говорит Николаев,—японцы готовили здесь засаду.

Разведка комиссара Николаева спасла немало жизней советских людей!

Один из наших танков застрял на территории, занятой японцами. Экипаж его мужественно отстреливался от наседавших врагов. В этой схватке проявилось замечательное свойство нового советского человека. Лишь только самураи пытались приблизиться к танку, как группа красноармейцев, засевших в ближайшей ложбине, бросалась в атаку и отгоняла противника. Взаимная выручка спасла жизнь танковому экипажу. До наступления темноты красноармейцы отгоняли японцев от танка. Когда стемнело, экипаж покинул машину и примкнул к группе героев, отстоявших им жизнь. Комиссар Николаев был на этом участке до тех пор, пока танкисты не были вызволены из плена.

Наступила минутная передышка. На склоне высоты Заозерной собралась группа красноармейцев и командиров. Николаев сидел в центре и тихо беседовал с окружающими. Он говорил о прекрасной родине, которую защищают бойцы, о непобедимости Красной Армии, о героизме советских людей. Вдруг раздалась команда:

— В ружье!

Японские налетчики, изгнанные с позором с советской земли, снова открыли пулеметный огонь. С винтовкой в руках залег в цепи комиссар Николаев. Он не заметил, как японская пуля поразила его левую руку и раздробила кость. Винтовка упала на землю, и кровь залила рукав шинели. Один из бойцов разорвал на себе рубаху и перевязал раненую руку.

Комиссара осторожно отвели в тыл. Прощаясь с бойцами, он сказал им:

— Ничего, товарищи. Это четвертая пуля, которой поражает меня враг. Осколок врангелевского снаряда попал в спину, белогвардейской пулей прострелена нога, пуля бандитов попала в эту же левую руку. Теперь прибавилась самурайская пуля. Ничего, товарищи, скоро вернусь.

С перевязочного пункта он действительно вернулся к бойцам. Но рана оказалась серьезной, была раздроблена кость, и требовалось длительное лечение. Лишь подчиняясь приказу, ушел начальник политуправления в госпиталь.

„Красная звезда", 18 октября 1938 г.

И. Гаглов.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КОМИССАРА ПОЖАРСКОГО

В боях у озера Хасан комиссары покрыли себя славой бесстрашных борцов за дело партии Ленина—Сталина. Имена большевистских комиссаров Белорусского, Кравченко,

Иванченко золотыми буквами будут записаны в историю разгрома японцев в районе озера Хасан.

Никогда бойцы и командиры не забудут имя комиссара Пожарского. Оно вечно будет жить в наших сердцах. Найденные в его полевой сумке заметки дают нам возможность восстановить картину последних дней жизни этого кристально чистого большевика.

★

Часть находится в нескольких десятках километров от границы. Идет планомерная учеба: в эскадроне обучаются рубке коротким, но быстрым ударом, пулеметчики совершенствуются в отличной стрельбе.

Комиссар Пожарский ходит по подразделениям, требует от бойцов и командиров отличного выполнения учебных задач.

„Находясь в соседстве с таким коварным врагом, как Япония, нам необходимо держать часть в повышенной боевой готовности, всегда быть готовыми к отражению врага",—появляется запись в его блокноте.

Из того, что часть находится в соседстве с коварным врагом, из сложившегося международного положения Пожарский делает вывод: „Охватить боевой и политической учебой всех бойцов и командиров. Заниматься только в поле, в условиях, приближающихся к войне. Необходимо подумать вместе с командиром об отведении большего времени ночным занятиям".

Ничто не проходило мимо глаз и ушей Пожарского. Десятки нитей связывали его с массами. Где бы что ни случилось, он быстро узнавал,—ему об этом говорили партийные и непартийные большевики. На все сигналы, как это и подобает комиссару-большевику, он быстро реагировал. В его блокноте мы читаем: „Саперам нехватает трех пар белья, портянок, одеял, тюфяков, простынь—выслать". И дальше: „Медведеву выслать сапоги или ботинки. Пять пар сапог взять у Голотнева и Мелентьева".

★

Из штаба соединения мотоциклист привез приказ, в котором говорилось о нападении японцев на нашу территорию и предлагалось немедленно, в полной боевой готовности выступить в район озера Хасан.

— Тревога!

Это слово с быстротой молнии облетело подразделения части. Быстро, четко работают все. Не прошло и одного часа, как часть была готова выступить в район, где отважные пограничники уже вели бой.

Марш ночью, да еще в такой местности, как Посьетский район, представляет большую трудность. Дожди размыли дороги.

Ни один недостаток, ни одна ошибка, совершенная бойцом или командиром на походе, не проходили мимо комиссара Пожарского. Он знал всех бойцов части. Каждый коммунист и комсомолец считал своим долгом информировать комиссара о замеченных недостатках. На одной из страниц его блокнота мы читаем: „Слепов положил седло на песок. Симушкин неосторожно обращается с винтовкой. Макаров недоучел ошибки кавэскадрона, а ведь я предупреждал".

В подразделении, которым командовал тов. Валеев, комиссар Пожарский заметил целый ряд недостатков. „Некоторые бойцы имели неряшливый вид: были расстегнуты воротнички... Подкачала рация—были перебои в работе".

Пожарский на привале собирает коммунистов и комсомольцев. Присутствуют Зверев, Ласкин, Луночкин, Белов, Иванов и другие. Вопрос—один: об устранении выявленных недостатков. Говорить много не пришлось. Все прекрасно понимали ответственность, которая возложена на каждого коммуниста.

★

На походе комиссар Пожарский несколько раз заострял вопрос о бдительности. „Мы идем на фронт,—записано в его блокноте.—Коварный враг—Япония—пытается забросить к нам своих шпионов-диверсантов. Бдительность должна быть усилена во стократ". И дальше он пишет: „Нужно поближе присмотреться к В." Эта краткая фраза свидетельствует о проницательности Пожарского. Вскоре В. был разоблачен как фашистский агент.

За время похода и на фронте комиссару Пожарскому спать приходилось мало. Он сам по нескольку раз проверял, все ли сделано для охраны части. Он постоянно напоминал бойцам и командирам о большевистской бдительности.

Пожарский провел большую работу по приему в партию до конца преданных ей бойцов и командиров. На фронте были приняты в партию товарищи Гонаненко, Вольдин, Четвертных, Сморкин, Жданов, Карпушкин, это о них он записал в своем блокноте: „Какие это замечательные люди! Будут драться, как львы". И он не ошибся. Все эти товарищи дрались, как подобает большевикам. От их метких выстрелов туго пришлось японцам.

★

Орудийные выстрелы гремели где-то вдали, за сопками, на том берегу реки Тумень-Ула. Японская артиллерия обстреливала наши позиции. Среди грохота канонады у самого берега озера Хасан затрещала пулеметная и винтовочная пальба. Бой разгорался.

Часть Пожарского находилась на второй линии окопов, имея задачу—выбить японцев с левого фланга. На обратном скате сопки, в густом кустарнике и траве комиссар Пожарский собирает митинг. Его зажигающая речь, пламенные слова про-

никают в самое сердце каждого бойца и командира. Митинг продолжался недолго. Все бойцы, как один, рвались в бой.

— Рассчитаться с обнаглевшими японцами!—требовали они.

У всех бойцов одно желание: скорее в бой, скорее выполнить поставленную задачу.

О митинге в блокноте комиссара записано немного. Вот что писал он:

„Выступает тов. Яковлев. Каждое его слово—слово всех бойцов Красной Армии. С какой ненавистью говорит о японцах! Дальше он говорит о заключении договора на бо́льшее уничтожение японцев. Просит меня утвердить этот договор. Смирнов заявил: „Пусть попробуют японцы наших пуль, увидят, как они невкусны". Да, покажем, так покажем всю силу и мощь Красной Армии".

Митинг окончен. Бойцы заняли исходное положение. Не прошло и пяти минут, как был дан сигнал для наступления. Японцы, заметив наступающих, открыли ураганный огонь. Но не могли они остановить наших героев. Бойцы, искусно маскируясь, ползком, перебежками, уверенно шли на врага. Голос Пожарского был слышен везде:

— За Сталина, за родину, вперед!

Этот лозунг, произнесенный Пожарским, повторялся десятками голосов.

Приближаются линии окопов японцев. В ход пошли гранаты. Взрыв гранат заглушается мощным красноармейским „ура". Намеченный рубеж захвачен, японцы убегают, оставляя множество трупов. Часть начала укрепляться на новом рубеже. В блокноте комиссара Пожарского записано всего несколько слов, но они говорят о многом: „Подсыпали перцу японцам, удирают во-свояси".

Наступает ночь. Свинцовые тучи опускаются ниже. От этого темнота усиливается еще больше. Только что закончилось созванное Пожарским короткое совещание политсостава. О чем говорили на совещании, видно из блокнота. „Первое—страна следит за событиями, второе—обстановка, третье—недостатки боя".

Учтя японскую тактику—действовать ночью, Пожарский предупредил политруков о необходимости следить за каждым движением врага.

Предположения комиссара оправдались. Ночью японцы повели наступление, пытаясь захватить отнятые у них рубежи. Их атака была отбита, японцы с большими потерями отступили.

Наступило утро. С пяти часов началась артиллерийская дуэль. Наши артиллеристы били без промаха. Японские орудия одно за другим прекращали огонь. И в эту минуту, среди грохота непрекращающейся канонады, раздался призывный голос комиссара Пожарского:

— За Сталинскую Конституцию, вперед!

Надо было видеть, в каком порыве все бойцы, командиры ринулись на вражеские окопы, забрасывая японцев гранатами, кося убегающих пулеметным огнем! Бойцы занимали окоп за

окопом. В разгаре боя был получен приказ. В блокноте Пожарского неровным почерком записано: „К 16,00—высота Заозерная, южный скат захватить".

Хотя и трудно в бою довести задачу до каждого бойца, но она все-таки была доведена.

В час, когда многочисленные сопки нежились в лучах появившегося солнца, часть, во главе с комиссаром Пожарским, пошла в наступление. Каждый метр земли пришлось брать с бою. И хотя японцы сопротивлялись, как в предсмертной агонии, пуская в ход все средства, ничто не могло остановить победного движения красных воинов, во главе с большевистским комиссаром.

Трескотня пулеметов усилилась. Не прекращался свист снарядов. Два снаряда упали невдалеке от комиссара. Пожарский все время находился впереди, вместе с командиром управляя частью. Приблизились к окопам, в которых укрепились японцы. Ничем, кроме гранат, нельзя было их выбить. Пожарский с гранатой в руке, с лозунгом „За родину, за великого Сталина!" вместе с бойцами бросился в атаку. Вдруг он упал, вражеская пуля попала в область сердца. К нему подбежали его товарищи и помощники. С минуту он продолжал командовать, держа голову прямо, указывая рукой в сторону неприятеля.

— Занять высоту...—не успел договорить он. Голова упала на руки товарищей. Глаза закрылись. И только на устах была улыбка, так знакомая всем бойцам. На секунду установилась тишина. Ее нарушил звонкий голос:

— Комиссар убит! Отомстим за него! Вперед, товарищи!

Последнее слово было заглушено мощным красноармейским „ура".

Над сопкой разрастался потрясающий рев моторов. Сталинские соколы-летчики бомбили японцев.

Советская земля очищена от врага.

1-я Отдельная
Краснознаменная армия.

„Красная звезда", 15 октября 1938 г.

П. Майков.

КАПИТАН ПРОВАЛОВ

В 1929 году, после конфликта на КВЖД, Константин Иванович Провалов, тогда еще младший командир, командируется в Иркутск на годичные курсы командного состава. Закончив учебу, он работает некоторое время командиром взвода. В 1936 году ему присваивается звание старшего лейтенанта, и он командует пулеметной ротой.

Провалов неустанно борется за отличную боевую подготовку красноармейцев и добивается исключительно высоких показателей. Командование части неоднократно отмечало хорошую боевую готовность бойцов его подразделения.

В дни, когда банды обнаглевших японцев вторглись на советскую землю и заняли высоту Заозерную, капитан Провалов командовал полком. Бойцам, командирам и политработникам этого полка выпала честь штурмовать высоту Заозерную.

Весь личный состав полка с огромной радостью принял весть об ответственном и почетном задании.

Час, назначенный для наступления, приближался. Провалов лично обходил подразделения, беседовал с бойцами, проверял— точно ли знает каждый красноармеец и командир свою боевую задачу. Все с нетерпением ждали приказа, чтобы броситься на врага.

Наконец, наступил этот час. Из-за сопок показались могучие отряды наших воздушных бомбардировщиков. Они шли на небольшой высоте, прямым курсом к сопкам, где засели японцы. Мощные моторы воздушных кораблей своим ревом заглушали гул стрельбы. Появившись над высотами внезапно, летчики бомбардировочной авиации стали сбрасывать десятки и сотни бомб на позиции укрепившейся там японской гвардейской дивизии.

Гигантские огненные смерчи поднялись к небу. Рыжие тучи песка и пыли окутали сопки. Но шли все новые и новые могучие корабли, обрушивая на японцев свой смертоносный груз...

Теперь перешли в наступление пехота и танки. Капитан Провалов быстро вел своих бойцов на штурм высоты. Из каменистых щелей, из-за песчаных увалов, из-за реки японцы открыли по нашей пехоте ураганный огонь. Но никакая сила не могла остановить движение бойцов. Красноармейцы стремительно совершали перебежки, они рвались вперед.

Капитан Провалов шел среди наступающих. Он уверенно и четко руководил полком. Выполняя приказания капитана, пулеметчики своим огнем ликвидировали пулеметные гнезда японцев, рассеивали группы японских стрелков. Провалов зорко следил за действиями подразделений. Под градом пуль он учил бойцов и командиров искусству маскировки и сбережения сил для решительного удара.

Все ближе подбирались бойцы к засевшим на высоте японцам. Путь бойцам преградило проволочное заграждение. Старший лейтенант Надзуга подполз к проволоке и прорезал проход для пехотинцев. Во время перебежки вдруг ранило пулеметчика. На минуту пулемет смолк, но затем заговорил с новой силой,— то красноармеец Плотников подхватил умолкнувшее оружие раненого товарища и открыл по японцам губительный огонь.

Вот на тов. Плотникова с фланга бросается целое отделение японцев. Не сдобровать бойцу. Но на подмогу Плотникову уже спешит командир отделения Захаров. Метко брошенная им граната уничтожает группу японцев и заставляет бежать остальных.

Завязывается рукопашный бой. Недаром бойцы упорно учились в лагерях и на зимних квартирах искусству штыкового удара. Исключительно грозной была атака полка. Вот на красноармейца Драгина набрасываются до десятка японских солдат.

Драгин расстреливает в упор четверых японцев, а остальных встречает с винтовкой на-перевес. Действуя штыком и прикладом, он укладывает врагов одного за другим. Драгин получил уже четыре штыковых раны, но рука его попрежнему крепка, сильны и метки его удары.

— За родину! За великого Сталина! Вперед!—разносится над сопкой призыв бесстрашных бойцов.

Заозерная занята. На высоте реет красный флаг. Но бой не умолкает. Взбешенные поражением, японцы обстреливают высоту. Капитан Провалов под градом японских пуль собирает командиров и ставит перед ними новую боевую задачу. Он указывает, куда нужно поставить пулеметы, гранатометы, на какой участок послать особенно решительных и находчивых людей.

Заметив, что японцы усиливают обстрел высоты, капитан приказывает:

— Пулеметчики, сильнее огонь по врагу!

Пулеметчики меткой стрельбой уничтожают огневые точки японцев. Точность огня наших бойцов вносит новое смятение в ряды врага.

Вскоре японцы получили подкрепление. Они бросили в бой свои лучшие силы и открыли по высоте сильный огонь. Под его прикрытием они карабкались по склону сопки. Офицеры пронзительно кричали и клинками гнали свою пехоту в наступление.

Полк Провалова выждал, когда японцы подойдут ближе, и хладнокровно отбил атаку.

На рассвете 7 августа японцы еще раз решили испытать крепость красноармейских штыков. Они собрали большую силу и, как черви, подползли к высоте. Раздалось визгливое „банзай", японцы бросились в атаку.

Ощетинившись штыками, навстречу им грозно выступили красноармейцы.

— За великого Сталина! Ура, товарищи!—поднял бойцов зычный голос капитана Провалова.

Командир поднялся во весь рост и бросился вперед. Бойцы ринулись на врага, они истребляли японцев штыками и гранатами. Впереди, возле храброго командира полка, сражались политрук Дмитриев, старшина Мельников, младший командир взвода Мичугов.

В этом бою капитан Провалов был дважды ранен, но он не покинул поля боя. Перевязав рану, он продолжал руководить полком.

Константину Ивановичу Провалову 33 года. Смуглое, задумчивое лицо его кажется много старше. Но когда просишь его рассказать о боевых действиях у высоты Заозерной, капитан улыбается задорной улыбкой молодого бойца. С воодушевлением рассказывает он о героях штурма—бойцах своей части. Он гордится ими как командир и как боевой товарищ.

Первая Отдельная
Краснознаменная армия.

„Правда", 14 октября 1938 г.

ЛЕЙТЕНАНТ ТЕРЕШКИН

...Он лежит на чистой госпитальной кровати, окруженный заботой и вниманием, уже выздоравливающий от ран, весело улыбающийся. Вот пришли с подарками жены командиров и колхозники. Тишину молчаливых палат нарушают радостные голоса приветствий и поздравлений.

— Где лейтенант Терешкин?—спрашивает пожилая колхозница, пришедшая в палату с большим свертком подарков, перевязанных шелковой лентой.

— Родимый мой, так вот какой ты сокол!—восклицает она, подходя к прославленному герою заозерных боев. Словно родного сына она обнимает его, передает подарки.

По городам, селам и стойбищам цветущего Дальнего Востока прокатилась слава о герое богатыре, бесстрашном воине лейтенанте Петре Терешкине. Это он с небольшой группой пограничников своей заставы принял первый удар японских налетчиков на гребне высоты Заозерной в ночь на 31 июля. Застава была готова к встрече непрошенных „гостей". В ту ночь наглые бандиты испытали на себе силу и мужество наших доблестных пограничников, мощь советского оружия.

Горстка пограничников и полчище японских солдат—таково было соотношение сил этого первого сражения. С ночи и до рассвета пограничники самоотверженно сражались с налетчиками. Окруженные с трех сторон, наши храбрые воины отражали беспрерывные атаки противника, вступали с ними в рукопашный бой.

В разгаре боя дозоры сообщили, что противник предпринял движение в обход. Глухие шорохи, крики и бормотание выдавали движение больших сил японцев.

...На левом скате высоты не умолкая трещат выстрелы, гремит артиллерийская канонада. С криками „банзай" японцы приближались к гребню высоты.

— Японцы зашли с тыла,—сообщили Терешкину.

— Передайте своим, чтобы они отошли сюда ближе,—отдал приказание Терешкин и приготовился к взрыву фугаса, который был заложен как раз в том месте, к которому приближались японцы. Их было свыше 50 человек.

— Принимайте гостинцы, гады!—крикнул Терешкин и включил ток. В небо взлетели черный столб земли, горная порода, разорванные в клочья тела японцев.

...Уже отбито несколько атак, но враг продолжает лезть на нашу землю. В гуле ружейного и артиллерийского огня звонко раздается призыв Терешкина:

— За Сталина! За родину! Вперед, товарищи!

Воодушевленные именем Сталина, с криками „ура" бойцы бросились на приближавшиеся вражеские цепи.

У станкового пулемета залег Терешкин. Слева наискось,

трещит японский „гочкис". Заметив его, Терешкин выпустил туда две очереди. „Гочкис" замолчал.

Дважды раненный, храбрый начальник заставы не уходил с поля боя. Из левого рукава гимнастерки сочилась кровь. Пальцы отказывались служить. Ключица левой руки была перебита.

— Товарищ лейтенант, вы ранены,—увидев кровь, сказал боец Шмаков, находившийся у пулемета Терешкина.

— Я буду стрелять другой рукой, живее продергивайте ленту!

Осветив темноту, граната ударилась о землю и с громом разорвалась. Терешкина и Шмакова засыпало землей, пулемет отшвырнуло в сторону.

Только после восьмого ранения отважный лейтенант согласился покинуть поле боя. Сообщив об этом лейтенанту Христолюбову, Терешкин пополз в лощину. Преодолевая тяжелую боль, он спускался к озеру Хасан. Изнемогая от слабости, Терешкин упал. К нему подбежали раненые—отделенный командир Батаршин и комсорг Спесивцев. Они перевязали ему раны, понесли его под пулями врага. Пройдя три с половиной километра, они встретили танк, на котором доставили раненого лейтенанта на перевязочный пункт.

...Он с восхищением вспоминает о мужественных и бесстрашных бойцах-пограничниках, ведших неравный бой против численно превосходящих сил японцев.

— Учтите, у нас ведь артиллерии не было, а силы противника нас превышали во много раз,—говорит Терешкин.—Но мы знали, что сражаемся за нашу родину, за счастливую жизнь советского народа.

Всю ночь до утра, пока не пришли на подкрепление доблестные части Красной Армии, пограничники стойко и мужественно отражали атаки японцев на высоте Заозерной...

Раны быстро заживают. Терешкин горит желанием скорее вернуться на свою заставу, на границу, увидеть своих боевых товарищей.

„Правда", 15 октября 1938 г.

И. Александров.

КОММУНИСТЫ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ

Героизм, отвага, доблесть—отличительные черты коммуниста в бою. Примеру коммунистов беззаветно и мужественно следовали все бойцы и командиры Приморской 1-й армии, отбивая налеты японских бандитов.

Пламенные патриоты родины, не дрогнув, встречали смерть в бою. Они несли, как знамя, клич: За советскую родину! За Сталина! Умереть, но победить!

Были минуты и часы, когда сопка Заозерная содрогалась от артиллерийских разрывов. Но коммунисты мужественно и

уверенно шли вперед, увлекая за собою всех бойцов, сокрушая обнаглевших японцев. У армейских большевиков нет цели более священной, чем защита СССР—отечества всех трудящихся.

Кандидат ВКП(б), младший лейтенант Старостин, отбивая нападения японцев, встретил смерть, как герой!

Метким огнем Старостин подавил четыре огневых точки японцев. С ручным пулеметом в руках, под свинцовым дождем он смело шел на высоту Заозерную, чтобы прогнать наглых захватчиков. Когда вражеская пуля подкосила его, он сказал:

— Жаль, еще не успел перейти из кандидатов в члены партии.

Героизм коммунистов вдохновлял всех. Все хотели быть такими, как коммунисты. Все хотели быть коммунистами.

Уже в бою командир пулеметной роты Шабашов писал: „Во имя партии и родины я жил и боролся. И сейчас, идя в бой, если нужно умру, не дрогнув, за славу и процветание нашей родины. Прошу принять меня в партию Ленина—Сталина, которой я всегда был и буду предан до конца".

„Прошу принять в ряды великой партии Ленина—Сталина. Если меня убьют—считайте коммунистом",—писал в дни боев красноармеец тов. Марков. Так писали и другие товарищи.

Только за последние пять дней в части, где комиссаром тов. Иванченко, подали заявления в ВКП(б) 48 и в комсомол 166 отважных патриотов, бойцов и командиров.

Пополняя свои ряды смелыми, мужественными, решительными людьми, до конца преданными своей матери-родине, ротные партийные организации начали жить полнокровной жизнью.

В партийной организации подразделения, которым командует тов. Соколов, буквально в разгар боя оформилась группа сочувствующих. В сочувствующие вступили отличники боевой и политической подготовки тт. Медведев, Супрун, Нагарнян, младший командир Яновский и многие другие.

Перед атакой высот Безымянной и Заозерной бойцы и командиры подразделения, которым командует тов. Ляхнович, тт. Прошин, Куснулин, Разоренов, Яворский подали заявления в партийную организацию. В этих заявлениях они писали:

— В бой мы пойдем коммунистами и будем сражаться в первых рядах.

Заражая примером бесстрашия, коммунисты всегда сражались в первых рядах. Они шли в атаку и побеждали с именем Сталина на устах.

Комсомолец танкист Алексей Селянин перед боем подал заявление о приеме его в кандидаты партии. Он получил задание повести танк на высоту Заозерную.

— Я оправдаю звание коммуниста,—сказал Селянин.

Танк двинулся вперед. Его орудийный огонь крошил огневые точки противника. Но неожиданно брошенная граната подбила танк. Экипаж очутился в окружении японцев.

Открыв люк, с гранатами в руках Алексей Селянин вместе с экипажем бросился на японцев. Схватка была неравная. Против целой роты японцев дрались Селянин и его товарищи. По-

лучив тяжелое ранение, Селянин не сдавался. Лишь тогда, когда противник был уничтожен, товарищи унесли Селянина. Так в героической борьбе за неприкосновенность границ своей родины оправдал тов. Селянин высокое звание коммуниста.

Комсомолец пулеметчик Джусуп-Галеев, идя в бой, подал заявление в партию. В первых рядах он отражал наступление японцев. Когда весь пулеметный расчет был выведен из строя, он один, с пулеметом, неустрашимо продвигался вперед, ведя огонь по противнику.

На высоту Заозерную, интенсивно обстреливаемую японцами, нужно было дать связь. Связисты под командой лейтенанта тов. Бассарукина героически выполнили эту задачу. Сам лейтенант Бассарукин, в момент боя подавший заявление в ВКП(б), поднялся на вершину сопки, но был убит японцами. Его героизм и отвага послужили прекрасным примером для бойцов. Красноармеец тов. Постников, только перед боем подавший заявление о вступлении в комсомол, не растерялся и принял командование подразделением. Он продолжал дело, начатое его командиром, и обеспечил артиллерию безотказной связью.

В ответ на наглую провокацию японских захватчиков лучшие бойцы и командиры подали заявления о вступлении в партию и комсомол. В партию подали заявления тт. Сироткин, Глухов и другие. Заместитель политрука тов. Сироткин семь раз ходил в атаку против японцев. С группой бойцов Сироткин ворвался в окопы налетчиков. Подлые захватчики были уничтожены.

Так дрались коммунисты. Они дрались во имя счастья родины, во имя счастья советского народа. Коммунисты вели за собой всех бойцов. Вот почему так безгранична любовь и доверие народа к нашей партии, воспитавшей героев-богатырей.

„Красная звезда", 4 сентября 1938 г.

Г. Клинов.

Батальонный комиссар
Начальник политотдела N соединения

ПОЛИТОТДЕЛ В БОЮ

Немедленно после получения приказа о выходе в район озера Хасан весь личный состав политотдела нашего соединения перенес свою работу на место боев. В аппарате остались только два человека—я и инструктор по информации, но и мы большую часть времени проводили среди бойцов, командиров и политработников. Инструктора, получив задания, были направлены в части и следовали вместе с ними.

Каждый инструктор политотдела имел полное представление о боевой задаче, поставленной перед частью.

Такая расстановка сил способствовала четкости и большей целеустремленности в работе политотдела. Получая ежедневно донесения от инструкторов, встречаясь с ними в частях, а когда удавалось, собирая их на короткие совещания, мы имели воз-

можность быстро реагировать на вскрытые ими недостатки, переносить положительный опыт во все части. Так родились политические обзоры деятельности частей. Эти обзоры политотдел рассылал всем комиссарам. Они принесли нам большую пользу. Комиссары частей всегда знали, что происходит во всем соединении, имели возможность учиться друг у друга, предупреждать ошибки, допущенные в соседних частях.

Один из политических обзоров был целиком посвящен роли заместителей политруков в бою. Мы получили сигнал о том, что в части, где командиром майор Старичков, не помогают заместителю политрука тов. Форвазову. В донесениях инструкторов также отмечались подобные случаи. В обзоре мы привлекли внимание всех комиссаров к этим недопустимым фактам, подчеркнули необходимость повседневного руководства молодыми кадрами политработников. Бывая в частях, я беседовал с заместителями политруков и тут же устранял все препятствия, мешавшие им работать. То же делали и инструктора.

В подразделении, которым командует капитан Бочкарев, выполнявшем особо важную боевую задачу, работал мой заместитель старший политрук тов. Смирнов. Марш протекал в трудных условиях. Участок в четыре километра пришлось итти по болотам вброд, неся на себе боеприпасы и вооружение. Смирнов своим личным примером воодушевлял бойцов, неустанно руководил политической работой, добился, чтобы она велась беспрерывно, в любых условиях. Когда подразделение, преодолев все препятствия, достигло высоты, здесь состоялись партийное и комсомольское собрания. За время боев в этом подразделении, как и в других, были поданы десятки заявлений о приеме в партию и комсомол. Почти все подразделение стало комсомольским.

По окончании марша Смирнов немедленно прислал в политотдел донесение, сообщил об отважных действиях бойцов и командиров, о наступательном порыве, охватившем все подразделение, о росте партийной и комсомольской организации. В ответ на это донесение командование отправило подразделению капитана Бочкарева приветственное письмо. Это обрадовало бойцов, еще больше подняло их боевой дух.

На любое донесение, присланное из частей, политотдел немедленно реагировал. Когда инструктора сообщали, что то или иное подразделение нуждается в дополнительном снаряжении, боеприпасах,—политотдел совместно с командованием тотчас же принимал необходимые меры.

Когда тов. Смирнов выполнил свою задачу в подразделении капитана Бочкарева, он был переброшен в другую часть. Смирнов всегда находился там, где выполнялась наиболее ответственная задача, причем в любой обстановке он никогда не порывал связи с политотделом. Будучи раненым, он добрался до телефона и сообщил нам о ходе действий, состоянии части. По его донесению был принят ряд мер, которые сыграли значительную роль в успешном исходе боя.

Все инструктора политотдела, как и остальные политические

работники, показали себя в боевой обстановке мужественными и бесстрашными. Старший политрук Куракин, политрук Бакштаев и Зубков деятельно помогали комиссарам организовывать партийно-политическую работу, неустанно воодушевляли бойцов большевистскими словами и делами, отважно сражались с японскими налетчиками. Получив ранение, Бакштаев не покинул своего поста, продолжал работать в политотделе.

Политработники, коммунисты и комсомольцы были подлинными знаменосцами победы. Именно они разжигали все сильнее и сильнее пламя патриотической отваги и ненависти к подлым хищникам, врагам нашей родины. Верные сыны нашей партии, политработники увлекали красноармейцев в бой, вместе с командирами вели их все вперед и вперед, сокрушая все преграды.

После того, как героически погиб в бою командир роты коммунист Сухов, политрук Катков немедленно возглавил роту, повел бойцов в атаку. Заместитель политрука Кузнецов подобрал на поле боя снайперскую винтовку, проник в тыл противника и, искусно замаскировавшись в огороде, выводил из строя одного за другим японских подносчиков патрон. Ответственный секретарь бюро комсомола Дмитриев одним из первых подполз к укрепленной точке противника и стал забрасывать японцев гранатами. Сраженный вражеской пулей, он успел вскрикнуть: „Вперед, товарищи, к победе!“ Комиссар Гузанов все время находился вместе с бойцами, на передовой линии, личным примером показывал, как нужно уничтожать врагов нашей родины.

Наши бойцы с мыслью о партии, о Сталине сражались с бесстрашием и отвагой героев. Наши командиры явили вдохновенные образцы воинской доблести.

Лейтенант Галимов, подавший перед боем 5 августа заявление о приеме в партию, несколько раз вел свою роту в атаку. Действуя пистолетом, он вывел из строя японский пулеметный расчет. Красноармеец Чернецов после ранения командира отделения взял командование в свои руки и со словами—„вперед, за Сталинскую Конституцию!“ повел бойцов в атаку.

Задача политотдела состояла в том, чтобы эти замечательные примеры патриотической отваги тотчас же доводить до сведения всех бойцов, командиров и политработников и тем вдохновлять их на новые, еще более замечательные подвиги.

Вся информация о ходе боев сосредоточивалась у инструктора политотдела лейтенанта Пушкина. Используя все средства связи, он немедленно передавал эти сведения во все части. Кроме того части получали от политотдела обзоры, обращения, письма, рассказывающие об отдельных героических эпизодах.

В дни боев с новой силой разгорелось пламя социалистического соревнования. Им было охвачено все соединение. Каждое подразделение, каждый боец всей душой стремился победить в этом соревновании, первым воздвигнуть красное знамя на высоте Заозерной. Опыт показал, что в боевой обстановке перед соревнующимися нужно ставить четкую и ясную задачу: захватить такую-то высоту, занять такой-то рубеж.

Соревнование еще более подняло боевой дух в соединении.

В перерывах между боями обсуждались социалистические договоры, бойцы принимали на себя новые конкретные обязательства.

Сразу же после первого боя политотдел привлек внимание комиссаров и командиров к некоторым неполадкам, выявившимся в процессе боевых операций. Мы делали практические выводы из каждого этапа боя. Каждый командир и красноармеец в момент перерывов продумывал свои действия, чтобы впредь сражаться еще более умело, наносить врагу еще более серьезный урон. Получая новую задачу, командир роты Афанасьев прежде всего обсуждал со своим подразделением опыт предыдущего дня. Командир указывал бойцам на отдельные ошибки, допущенные ими, объяснял, как надо было действовать в том или ином случае. После первого же такого обсуждения рота выполнила новую задачу с меньшими потерями. Так же действовали старший лейтенант Завялов, Терехин и другие.

Итоги первых боев дали возможность политотделу уточнить роль комиссара в бою, четче определить место политического руководителя на поле сражения. Отдельные комиссары, действуя с одним из подразделений, отрывались от части в целом. Они проводили мало времени на командном пункте вместе с командиром части, упускали нити руководства, слабо использовали информацию политруков для активного воздействия на ход боя. Бывало, что отдельные комиссары забывали о руководстве тылами. Все эти недочеты были своевременно подмечены и в последующие дни больше не повторялись.

Наши комиссары, политработники своей самоотверженностью, героизмом, прекрасным знанием обстановки и дела завоевали в дни боев у озера Хасан еще большую любовь, еще больший авторитет в широких массах бойцов. В боях наше соединение еще более окрепло, еще теснее сплотилось вокруг партии Ленина—Сталина. Партийная организация соединения выросла за эти памятные дни на двести процентов, комсомольская—на 65 процентов. Приток заявлений в партию и комсомол продолжается. Лучшие люди соединения вышли из боев коммунистами и комсомольцами. Приняты в кандидаты партии капитан Бочкарев, заместитель политрука Кузнецов, старшина роты Новоженин и многие другие доблестные воины, стойкие защитники социалистической родины.

Сейчас наши дни снова заполнены будничной работой, напряженной и кипучей. Обогатившись ценным боевым опытом, бойцы, командиры, комиссары и политработники настойчиво борются за дальнейшее повышение боевой и политической выучки, за новые успехи. Сотням бойцов, младших командиров и заместителей политруков, закалившимся в боях, теперь доверена большая самостоятельная работа. В части, где командиром майор Старичков, много заместителей политруков выдвинуто политическими руководителями рот. Они представлены командованием к присвоению звания политруков. Такое же положение и в части, которой командует тов. Алимов, и в других частях. Сотни бойцов и младших командиров подали докладные с просьбой оставить их в кадрах Красной Армии.

Используя опыт боев, мы еще острее оттачиваем свое оружие. Политотдел приступил к решению новых сложных задач, возникших в связи с огромным ростом партийной и комсомольской организаций. Мы должны обеспечить и обеспечим большевистское воспитание новых кадров коммунистов и комсомольцев. Порукой этому тот громадный подъем, которым охвачены все наши бойцы, командиры и политработники. Жестоко проучив японских налетчиков, мы готовы в любую минуту повторить этот урок и нанести врагу, если он дерзнет посягнуть на священную землю родины, такой сокрушительный удар, чтобы он и костей собрать не мог.

„Красная звезда", 18 сентября 1938 г.

А. Зуев.
Политрук роты
N части Приморской армии

ПОЛИТРАБОТА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

В боях у озера Хасан мы, политработники, приобрели большой и ценный опыт. Политработники всех степеней, от заместителя политрука до комиссара соединения, обогатили свои знания, свое умение вести партийно-политическую работу в условиях боя.

Великая сила любви к родине, пламенное чувство советского патриотизма проявлялись в эти памятные дни в любом поступке каждого бойца, командира, политработника. Нас, политработников, эти замечательные качества наших бойцов особенно радовали. Ведь именно здесь, в боях, проверялась наша работа, здесь видели мы ее результаты! И надо прямо сказать, результаты неплохие. Они дают нам полную уверенность в том, что всякий враг, откуда бы он ни напал на нас, будет уничтожен, сметен с лица земли.

Вся система партийно-политической работы была направлена на выполнение боевой задачи—уничтожить японских самураев, нагло залезших на советскую территорию. Над выполнением этой задачи работали я, как политрук роты, партийная и комсомольская организации, вся красноармейская общественность.

Во всей нашей работе огромное значение имели четко поставленная информация, бесперебойно работающая связь. С первых минут нашего движения в район боевых действий и до того момента, когда я на подступах высоты Заозерной упал раненым, мне было известно все, что делает не только рота, взвод или отделение, но каждый командир и боец в отдельности. Десятки нитей связывали меня с красноармейской массой.

Во втором взводе некоторые красноармейцы на большом марше не соблюдали питьевого режима. Об этом мне сообщили комсомольцы. Достаточно было разъяснить товарищам их ошибку, рассказать о всех последствиях, к которым она могла привести, чтобы ошибка больше не повторилась.

Зная, что в бою нет никаких мелочей, каждый коммунист, комсомолец и беспартийный активист считали своим долгом немедленно докладывать о всем случившемся командирам и политработникам.

В бою 2 августа был тяжело ранен командир отделения тов. Суков. Несмотря на сложность обстановки, я узнал об этом немедленно. Я знал все до мельчайших подробностей: какая рана, оказана ли помощь, кто теперь командует отделением. При такой осведомленности командиру и мне легко было руководить ротой. Исходя из обстановки на решающих участках, командир роты всегда своевременно посылал помощь именно туда, где она была нужнее всего.

Правильная расстановка сил нашего актива, точная формулировка заданий сыграли огромную роль в завоевании победы.

В пулеметном взводе у нас находился заместитель политрука тов. Сорокин, во втором взводе—комсомолец-активист Шадрин. Опорой моей являлись и комсомольцы Савкин, Дрожников, Ситников и Есиков. Они в свою очередь группировали вокруг себя беспартийных красноармейцев.

Таким образом с помощью актива я был тесно связан со всей массой красноармейцев. Благодаря этому все партийно-политические мероприятия—беседы, читка газет, последних сводок с фронта, ознакомление красноармейцев с боевой обстановкой—проводились быстро.

Актив не только помогал мне проводить политическую работу среди красноармейцев. Во всех боях наши активисты—коммунисты, комсомольцы, непартийные большевики—были впереди, показывая образцы преданности родине и беззаветного героизма.

Наша рота вместе с другими подразделениями полка входила в состав маневренной группы дивизии. Поэтому 29 июля нам пришлось совершить большой ночной марш. Перед нами была поставлена задача– достигнуть заставы N. Путь трудный. Он лежал через заливы, многочисленные сопки. Очень часто приходилось итти по пояс в воде. Но ничто не могло остановить бойцов. Они смело шли все вперед, навстречу врагу.

В этом трудном походе замечательно проявил себя заместитель политрука тов. Сорокин.

Идя с пулеметным взводом он приложил все силы к тому, чтобы сохранить оружие и боеприпасы. Своей стойкостью, бодростью и товарищеской поддержкой тов. Сорокин вселял новые силы в бойцов. По его инициативе была организована помощь некоторым уставшим бойцам. У них товарищи брали винтовки, пулеметы, диски, всячески помогали им.

На рассвете наша рота, несколько раньше назначенного времени, прибыла на заставу N. Теперь уже японским самураям на этом участке противостояли не только герои-пограничники, первыми принявшие на себя удар, но и свежие силы нашей маневренной группы.

По прибытии на место я проверил, приняты ли все меры предосторожности, выставлено ли охранение. Затем узнал—

хорош ли завтрак у бойцов, как организован отдых, кому нужно заменить обувь, портянки, нет ли потертостей ног. Забота о бойце—первейшая обязанность политрука. Сюда я и направил все свои силы.

В боевой обстановке очень важно, чтобы бойцы воспитывались на героических примерах своих ближайших товарищей. А такие примеры у нас были в каждом взводе, в каждом отделении.

2 августа наша рота вела наступление на высоту Заозерную. Противник открыл сильный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Бойцы попрежнему уверенно продвигались вперед, тщательно маскируясь, умело используя саперные лопаты.

В этом бою был ранен в ногу красноармеец тов. Беляев. Несмотря на ранение, он остался в строю и продолжал попрежнему метко разить самураев. Перебежки он совершал вприпрыжку, на одной ноге. Я предложил ему уйти в тыл. Он ответил:

— Я, товарищ политрук, не пойду. Буду наступать, у меня еще силы есть.

Ушел он только тогда, когда японцы были выбиты с занимаемой ими позиции.

Особенно геройски вели себя коммунисты и комсомольцы.

Старшина нашей роты, член партии тов. Рыжков, участник боев 1936 года у погранзнака № 8, находился на зимней квартире. Он работал заведующим столовой. Узнав, что рота участвует в бою против японцев, он сдал столовую своему помощнику и, использовав все виды транспорта, 2 августа, в самый разгар боя, прибыл к высоте. По дороге он взял у раненого бойца ручной пулемет, диски и пошел на передовые позиции. Своим метким огнем тов. Рыжков разил врага насмерть, при этом приговаривая:

— Покушайте, господа самураи, свинцовой кашки!

Во время боя необходимо было начать обстрел японцев из гранатомета. Гранатометчик был ранен. Рыжков быстро взял его гранатомет и открыл огонь. Боевой старшина владел гранатометом не менее искусно, чем пулеметом.

Следует еще рассказать об одном героическом эпизоде.

В ночь со второго на третье августа нам нужно было разведать сосредоточение сил противника. На выполнение этой ответственной задачи командованием было послано отделение тов. Лукашевича. В одной из лощин отделение тов. Лукашевича было окружено японцами. Против нашего отделения оказался японский взвод.

Героические бойцы не растерялись. Отстреливаясь из пулемета и бросая гранаты, они вырвались из окружения, добыв очень важные сведения о противнике.

На таких героических примерах мы воспитывали всех бойцов.

После наступления, по приказу командования, нам пришлось занять окопы второй линии. И здесь вместе с командиром роты мы провели большую работу.

Прежде всего детально разобрали бой 2 августа. Этот разбор дал нам очень многое. В дальнейших боях командиры и бойцы учли все недостатки, которые были допущены в первом сражении.

Сюда же, непосредственно в окопы, нам доставляли газеты. Собрав чтецов, я разъяснил им, что именно нужно прочитать, с чем необходимо ознакомить бойцов. Чтецы знакомили бойцов с резолюциями многочисленных митингов трудящихся, подчеркивая единство армии и народа, рассказывали о той ответственной роли, которая возложена на нас по защите священной советской земли от японских захватчиков.

И нужно было наблюдать за бойцами, за их радостными лицами при чтении этих волнующих резолюций! Нас приветствовала Москва, вся великая советская страна, весь 170-миллионный народ! Голос народа, голос страны воодушевлял — бойцы клялись уничтожить обнаглевших самураев.

Эта клятва была выполнена.

6 августа в день девятой годовщины ОКДВА—Дальневосточного Краснознаменного фронта—нам удалось провести митинг.

В условиях боевой обстановки митинг имеет свои особенности, какую-то волнующую силу. Говорить приходилось немного. Бойцы понимали ораторов с полуслова. Одно слово было у всех на устах—Сталин! Оно произносилось с особой любовью. Когда один из говоривших закончил свою речь возгласом: „За родину, вперед!“, бойцы и командиры в один голос ответили:

— Смерть самураям!

Здесь же на митинге целые взводы, отделения и каждый боец в отдельности вступили в социалистическое соревнование—кто первый водрузит красный флаг на высоте Заозерной.

День 6 августа был для нас особым днем: исполнилась девятая годовщина фронта и мы пошли в наступление.

Перед наступлением в одном из окопов я собрал чтецов и агитаторов и рассказал им об обстановке и нашей задаче. Присутствовали неизменные мои помощники: товарищи Сорокин, Шадрин, Савкин и Рыжков. Они были точно проинструктированы и хорошо рассказали о задаче, поставленной перед ротой, довели обстановку до каждого бойца.

В стремительном натиске мы обрушились на японцев. Ничто не могло задержать нас. Самураи, как трава под лезвием косы, падали от наших метких пуль.

В бою на подступах к высоте я был ранен двумя вражескими пулями. Меня повел на санитарный пункт мой боевой помощник, заместитель политрука Сорокин.

Вскоре на высоте Заозерной гордо развевался красный флаг. Высота наша, советская!

Первая (Приморская) армия.
22 августа

„Красная звезда“, 23 августа 1938 г.

М. Никишев.

Полковой комиссар
Начальник политотдела N корпуса

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ ПОЛИТРАБОТЫ В БОЯХ У ОЗЕРА ХАСАН

Зарвавшаяся японская военщина испытала на своей спине силу и мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Наглые налетчики крепко поплатились за попытку вторгнуться на советскую территорию. Иначе и быть не могло.

Каждый наш боец жаждал показать всему миру могущество 170-миллионного советского народа, каждый стремился попасть на передовые позиции и лично принять участие в очистке священной советской земли от подлого врага.

Отпорные бои происходили в невыгодных для нас условиях. Высота Заозерная, захваченная японцами, занимала господствующее положение над местностью, подходы к ней проглядывались противником и изобиловали естественными преградами (болота, множество озер и т. д.). Трудности были огромные. Перед нами стояла задача—коротким и сокрушительным ударом уничтожить врага.

Тактика быстрого разгрома японских провокаторов требовала особо гибкой организации партийно-политической работы в бою. Если в мирной обстановке политотделы соединений посылают своих инструкторов для работы в частях на продолжительное время, что может быть придется практиковать и в условиях затяжных военных действий, то в районе озера Хасан при быстром решении задачи необходима была совсем иная организация дела.

На первых порах мы не учли этого обстоятельства. Политотделы прикрепляли всех инструкторов к частям на неопределенное время, зачастую теряя с ними связь. Так было с начальником политотдела тов. Полушкиным, который потерял связь с помощником по комсомолу тов. Макшанским и секретарем парткомиссии тов. Груздевым. Так однажды получилось и у меня, когда я в течение двух суток не мог установить связи со своим помощником по комсомолу тов. Плоских.

Сложность операции, изменчивость обстановки потребовали от нас большой гибкости и мобильности. Ход боев требовал немедленной перестройки всей работы. Надо было по-иному организовать руководство политотделов частями, по-иному расставить силы.

Политотдел корпуса дал политотделам дивизий соответствующее указание. Результаты быстро сказались. Уже на второй день после вступления наших частей в бой политотделы изменили методы работы. Они стали боевыми, хорошо осведомленными руководящими партийно-политическими органами. Приведу примеры. Об одном из батальонов, приданном к части, которой командовал майор Соленов, мы получили крайне разноречивые сведения. Одни сообщения исходили от командо-

вания части, другие от командования батальона. Следовало точно установить действительную картину и принять необходимые меры. Имея при себе резерв работников политотдела, я располагал возможностью послать в батальон на передовые позиции своего заместителя—батальонного комиссара тов. Вдовкина. Батальону была таким образом оказана своевременная помощь в организации партийно-политической работы.

Другой пример. Партийно-политический аппарат части, где комиссаром тов. Трофимов, оторвался от управления боем. Политработники, включая комиссара, возглавив небольшие подразделения, действовали на передовых позициях. Боевые операции всей части в целом ускользали из их поля зрения. Партийно-комсомольская организация в столь ответственный момент фактически осталась без общего руководства, ряд волнующих вопросов не находил разрешения. Политаппарат одного батальона, потеряв ориентировку в обстановке, не знал, к кому обратиться за помощью в получении руководящих указаний. Начальник политотдела тов. Клинов своевременно не принял необходимых мер.

Политотдел корпуса, узнав об этом, немедленно направил в часть, где комиссаром Трофимов, старшего политрука Плоских. Он оказал части оперативную помощь в развертывании партийно-политической работы. Комиссар Трофимов был вызван ко мне на командный пункт. Мы ознакомили его с обстановкой, дали ему конкретные указания по организации партийно-политической работы в бою, установили точные сроки выполнения этих указаний. Все ошибки, допущенные в части, вскоре были исправлены на ходу.

Надо сказать, что в мирных условиях на учениях мы, к сожалению, мало внимания уделяем тылам. Это входит в привычку, которая влечет за собой очень неприятные последствия. Такая привычка нашла некоторое отражение в работе политотделов при боевых операциях в районе озера Хасан. Все партийно-политические работники рвались на передовые позиции. Этот энтузиазм характеризует собой высокий боевой дух наших людей, их героизм, их готовность драться с врагом до последней капли крови. Но никогда не следует забывать, что работа в тылах так же необходима и так же почетна, как и на передовых позициях. Многие политработники никак не могли свыкнуться с этой мыслью. С первых же часов боя мы убедились в том, что партийно-политическая работа в тылах налажена плохо. Система прикрепления работников политотделов к частям на продолжительное время, существовавшая в начале операции, привела к тому, что нам некого было послать в тылы. Начальнику политотдела тов. Клинову пришлось оставить командный пункт и самому отправиться в тылы для развертывания там партийно-политической работы. Я также в первый день боев был вынужден сделать то же самое. Это произошло потому, что все работники политотделов были брошены в линейные части и при политотделах никого не осталось. А между тем политработа в тылах приобретает в боевой обстановке

огромное значение. Мы на своем опыте убедились, что при дивизионных обменных пунктах должны быть комиссары, нужны работники политотдела на основных этапах эвакуации раненых и т. д.

В дальнейшем, на обменные пункты были посланы лучшие комиссары, назначен комиссар дорожного строительства, организована политработа среди раненых.

В одном из боев мы особенно наглядно увидели недостатки нашей работы в мирных условиях. На первых порах начальник политотдела тов. Полушкин не только не оставил при себе резерва инструкторов, но и сам ушел на передовые позиции. В результате он потерял связь с командным пунктом, не был в курсе хода операции в целом и не мог уже осуществлять общее руководство партийно-политической работой.

В таком же положении оказался и тов. Клинов, он оставил командный пункт для того, чтобы помочь в работе партийно-политическому аппарату части, где комиссаром Трофимов, находившейся в это время на передовых позициях. И опять-таки партийно-политическая работа в соединении в самый горячий период боя осталась без общего руководства.

Повторяю, этот день показал нам основной недостаток в организации работы политотделов и натолкнул нас на мысль о резкой перестройке, которая и была совершена нами в кратчайший срок.

Части переживали невиданный подъем. Партийные и непартийные большевики, сражавшиеся в районе озера Хасан, были несказанно горды тем, что на их долю выпала великая честь—защищать дальневосточные границы СССР. В боях против японцев наши бойцы, командиры и политработники демонстрировали перед всем миром отвагу, мужество и героизм советских людей, защищающих великую родину. Они демонстрировали перед всем миром свою беззаветную преданность партии Ленина—Сталина. В частях в это время царил невиданный морально-политический подъем, мощными волнами поднимались ненависть к врагу, возмущение подлыми действиями японцев. В первые же дни мы стали получать сотни и тысячи заявлений о приеме в партию и комсомол.

Бойцы и командиры хотели итти в бой коммунистами. Каждый своей преданностью делу Ленина—Сталина, своей готовностью умереть, защищая великое дело коммунизма, доказывал, что партия является для него самым ценным, самым дорогим.

„Клянусь перед партией,—писал в своем заявлении младший командир артиллерист тов. Дронов,—что буду верным революционером, борцом за дело коммунизма, не пощажу своей жизни в борьбе за социалистическую родину, буду честно итти по пути большевистской партии и товарища Сталина".

Подобные заявления, а их были тысячи, писали в окопах, на наблюдательных пунктах, под пулеметным и артиллерийским огнем, во время подвоза боеприпасов, продуктов, фуража, при прокладывании телефонно-телеграфной линии. Яркой иллюстрацией этого подъема является тот факт, что многие партий-

ные организации за время боев пополнились десятками и сотнями лучших бойцов и командиров.

Понятно, что этот политический подъем необходимо было возглавить и обеспечить строгое соблюдение решения ЦК ВКП(б) об индивидуальном подходе к каждому подавшему заявление о приеме в партию. Перед нами встал ряд новых вопросов, требовавших срочного разрешения: как быть с организацией приема в партию и с оформлением документов в боевой обстановке, каким образом вступающим в партию подыскивать себе рекомендующих? Не бросит же боец свой пулемет, танк, автомашину, чтобы отправиться на поиски рекомендующего! Как организовать прием в партию, если в условиях боев почти невозможно собрать первичную организацию?

Мы передали свои соображения начальнику Политического управления РККА армейскому комиссару 2-го ранга тов. Мехлису, который находился все время среди нас, непосредственно руководил и помогал нашим доблестным частям, громившим японских налетчиков. Вскоре с санкции ЦК ВКП(б) был разрешен следующий порядок приема в партию: заявления рассматриваются партийным бюро части с условием строгого индивидуального подхода к каждому вновь вступающему, окончательные решения о приеме выносит делегатское партийное собрание первичной организации, парткомиссия для оформления дел выезжает на место.

Таким образом даже под ураганным огнем мы имели возможность организовать прием в партию и комсомол. Политруки и партийное бюро должны были оказать всемерное содействие бойцам и командирам в подыскании рекомендующих.

Опыт партийно-политической работы в условиях боевых действий показал, что в мирной обстановке нами не был до конца продуман вопрос о замещении выбывающих из строя секретарей и членов партийных бюро, парторгов, комсоргов. Комиссары частей и начальники политотделов в связи с этим неоднократно оказывались в затруднительном положении. Начальник Политического управления РККА тов. Мехлис принял следующее решение: политический руководитель роты назначает парторга и комсорга с утверждением их комиссаром части. Секретаря партбюро назначает, а членов партбюро кооптирует комиссар части с последующей санкцией начальника политотдела. Секретаря парткомиссии назначает, а членов парткомиссии кооптирует начальник политотдела корпуса и т. д.

Сейчас нам ясно, что в боевой обстановке каждому политическому руководителю, каждому комиссару части нужно обязательно иметь одного, а лучше, двух заместителей. Это необходимо на случай, если политрук или комиссар выбудут из строя.

Опыт, полученный нами в боях, нужно глубоко изучить и использовать его в работе комиссаров, политорганов и партийных организаций.

„Красная звезда", 9 октября 1938 г.

А. Кравченко.
Старший политрук, военком
N части Приморской армии

КОММУНИСТЫ ПЕРВЫМИ ШЛИ В БОЙ

Весть о налете японских самураев всколыхнула всех бойцов, командиров и политработников нашей части. Каждый горел желанием нанести сокрушительный удар зарвавшимся бандитам. Не было бойца, который не подходил бы к командиру или ко мне с вопросом:

— Когда выступаем?

Еще до получения боевого приказа о выступлении мы провели по ротам беседы, рассказали бойцам, как они должны вести себя в бою. Беседчики и агитаторы, готовясь к бою, кроме винтовки, патронов и пулеметов вооружались бумагой, карандашами и красками для боевых листков.

31 июля перед выступлением в бой мы провели совещание коммунистов. Каждый из них получил конкретное задание. Секретарь партбюро тов. Черемнов вместе с секретарем комсомольской организации тов. Белимовым еще раз проверил, все ли коммунисты и комсомольцы знают свои обязанности. Выяснилось, что молодой политрук Глаголев нечетко поставил задачу бойцам, неравномерно расставил актив. Тут же на месте оказали ему помощь. К назначенному сроку все было в полной готовности, каждый на своем месте.

Партийно-политическая работа в условиях боевой обстановки, конечно, имеет иной характер, чем, скажем, в условиях лагерной учебы. Все напряжены. Все заняты решением боевой задачи. И в то же время каждый коммунист, каждый комсомолец стремится использовать каждую относительно свободную минуту для того, чтобы рассказать, что нового в газетах, выпустить боевой листок, ильичевку.

На работе в боевой обстановке особенно проявили себя беседчики-комсомольцы тов. Головачев, тов. Силаев, заместитель политрука тов. Лунчук. Они все время держали бойцов в курсе обстановки на фронте, информировали их о том, с каким восхищением трудящиеся СССР и зарубежные друзья следят за героическими делами дальневосточников.

Когда позволяла обстановка, коммунисты и комсомольцы вели агитационно-пропагандистскую работу. Нужно было итти в бой—они личным примером увлекали за собой бойцов. Комсомолец Иванов четыре раза шел в атаку. Раненый, он оставался среди бойцов, отказываясь от направления его в госпиталь, мужественно продолжал вместе с товарищами сражаться против врагов.

Таких примеров героизма и самоотверженности было очень много. И каждый из них нашел отражение в боевых листках. Листки называли по именам героев схваток, писали о их доблести, о том, как бойцы используют свою подготовку для решения боевых задач. И эти простые слова большевистской

правды еще больше закаляли бойцов, звали их к новым победам над врагом, воодушевляли на новые подвиги.

В эти боевые дни партийная работа проводилась там, где решался успех борьбы против японских налетчиков. Свою работу парторганизация развертывала на позициях, в окопах.

Коммунисты тт. Прокофьев, Белицкий и ряд других в боевой обстановке ни на минуту не прекращали работы у себя в подразделениях. Коммунист Левченко в окопах проводил беседы, рассказывал бойцам, как любимые вожди народов Ленин и Сталин, несмотря ни на какие преследования и опасности в подполье, в тюрьмах и ссылке, неустанно вели борьбу за свободу и счастье трудящихся, сколачивали большевистскую партию.

В результате всей этой большой работы только за два дня первых боев от красноармейцев поступило 25 заявлений о приеме в партию и 48 заявлений о вступлении в комсомол. Герой боев тов. Коробейников в своем заявлении пишет:

„В бой хочется итти партийным большевиком".

Перед самой атакой в части состоялся короткий митинг. Бойцы вступили друг с другом в соревнование за право первым водрузить красное знамя на высоте Заозерной. И нужно было видеть, с каким упорством оспаривалось это почетное право!

Коммунист тов. Левченко с одной гранатой и револьвером очутился один среди семерых японцев. Гранатой он поразил двух самураев. Получив несколько ранений, он продолжал, и не без успеха, драться, имея в руках один револьвер. Подоспевший пулеметчик Гальянов помог ему расправиться с остальными самураями.

Ранили и меня разрывной пулей. Но разве я мог оставить строй? В лазарет пошел только после выполнения боевой задачи. Сейчас поправляюсь. Окружен величайшей заботой. Как и все остальные участники боя, ежедневно получаю подарки, цветы, поздравления. Долго беспокоила забота о бойце тов. Подгорном, получившем в бою три ранения. Сейчас он уже поправляется, но никак не может примириться с тем, что его после выздоровления посылают на курорт, а не в часть.

Смотришь на таких бойцов и душа радуется. С такими людьми, с такими пламенными патриотами нам не страшен никакой враг.

Бойцы Дальневосточного Краснознаменного фронта всегда наготове. Порох мы всегда держим сухим, оружие всегда пристреляно, клинок и штык всегда остры.

Первая (Приморская) армия. 23 августа. „Красная звезда", 24 августа 1938 г.

М. С. Злой.

Военком N-ской эскадрильи, летчик.

КАК МЫ БОМБИЛИ ЯПОНЦЕВ

31 июля я вступил в исполнение обязанностей комиссара N-ской эскадрильи. Приехал в свою часть. Через два дня полу-

чаем боевой приказ: „Подготовить личный состав и материальную часть для разгрома японских войск, вторгшихся на сопку Заозерную у озера Хасан".

Быстро ознакомили с этим приказом весь личный состав. Перед каждым коммунистом и комсомольцем поставили конкретную боевую задачу.

...Время клонилось к вечеру. Солнце скрывалось за сопками. Вскоре все было готово. Подана команда: „Заводи моторы",—и через несколько минут летчики подняли в воздух свои машины.

Спустилась ночь. Но несмотря на это, эскадрилья отлично совершила перелет и сделала посадку на другом аэродроме. Началась боевая жизнь эскадрильи.

Туманное утро 6 августа предвещало хорошую летную погоду. Наша эскадрилья получила задание—сопровождать тяжелые бомбардировщики.

В небо взвилась ракета—сигнал к вылету. Летный и технический состав без суеты ведет последние приготовления. Я и командир эскадрильи тов. Протопопов даем летному составу последние указания и взлетаем в воздух.

Несколько минут полета—и мы уже над Заозерной. Тяжелые бомбардировщики метко громят укрепления японцев. Мы зорко следим за их работой и готовы каждую минуту встретить японские самолеты. Но в воздухе спокойно. Японская авиация не решается вступить в бой.

Невдалеке от нас то и дело появляются пушистые облачка взрывов. Это рвутся снаряды японской зенитной артиллерии. Но советские летчики смело и спокойно продолжают выполнять свое боевое задание. С высоты мы отчетливо видим замаскированные огневые точки противника. Выполнив возложенную на нас обязанность сопровождать бомбардировщики, мы с тов. Протопоповым и летчиком тов. Омельченко принимаем решение атаковать огневые гнезда японцев. По условному знаку, разделившись на звенья, идем на штурм. Наши бомбы падают точно в цель, и японские зенитки умолкают.

Боевые задачи, поставленные перед эскадрильей, в этот день были выполнены на „отлично". Зенитки японцев замолчали. Противник был деморализован и в беспорядке бежал с передовых позиций. Сопка Заозерная снова стала нашей.

7 августа эскадрилья снова ушла на выполнение боевого задания: надо было уничтожить оставшиеся зенитные точки врага.

Задача выполнена отлично. Находясь под постоянным зенитным огнем японцев, наши летчики отлично, без единой потери, выполнили свои задания.

Летчики тт. Протопопов, Омельченко, Токарев, Грозин, Голошапов и Сытник хладнокровно и точно громили японских захватчиков. Верные сыны нашей родины, нашей партии, гордые сталинские соколы, они показали образцы бесстрашия. Отлично делали свое дело техники тт. Шохин, Дорошенко, Квитко и Драницын, моторист тов. Петраков и оружейный мастер тов. Золотарев. Они обеспечили безотказную работу всех боевых машин эскадрильи.

Несмотря на напряженные условия, в дни боев била ключом партийно-политическая работа. Она закаляла боевой дух летного и технического состава эскадрильи. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались задачи коммунистов и комсомольцев в бою. Мы делились опытом и закрепляли успехи, достигнутые при выполнении боевых заданий.

В боевой обстановке было проведено два митинга. На одном из них было зачитано письмо от жен летно-технического состава части. Они писали нам:

„Беспощадно уничтожайте врага, деритесь, как львы, за честь и славу нашей непобедимой родины".

Этот наказ наших боевых подруг был наказом всего советского народа, нашей партии и правительства.

Первоначально во время боевых операций к нам нерегулярно поступали газеты. Я решил принимать „Последние известия" и сообщения ТАСС по радио. Это дало мне возможность регулярно устраивать политическую информацию, знакомить личный состав с международным положением и вопросами текущей политики.

У нас выходила своя красноармейская газета „На боевом посту". Комсомольцы выпускали свой бюллетень, посвященный подготовке к 20-летию ВЛКСМ. Задорные и простые слова бюллетеня призывали встретить славный юбилей боевыми подарками матери-родине. Комсомольцы-летчики Грозин и Омельченко, героически сражавшиеся с японцами, были занесены на доску почета „Комсомольской правды".

Днем весь личный состав жил боевой жизнью, а вечером, собравшись в кружок, комсомольцы изучали историю нашей партии, устраивали политические занятия и беседы.

Беспартийные товарищи, проникнутые глубочайшей верой в победу дела Ленина—Сталина, в дни самых горячих и напряженных боев подавали заявления в партийную организацию с просьбой принять их в ряды нашей великой партии. За время боев в районе озера Хасан наша парторганизация приняла в свои ряды тт. Токарева, Квитко, Шохина, Золотарева. Техник Кауров был принят в ряды сочувствующих ВКП(б). Комсомольская организация за это же время выросла на 5 человек. Молодые мотористы тт. Гавров, Столяров и другие стали комсомольцами.

Кончились боевые дни. Враг разгромлен. На высоте Заозерной победно развевается красное знамя страны социализма. Наши грозные боевые корабли всегда в полной боевой готовности стоят на аэродроме, готовые по первому зову партии и правительства взлететь и разгромить врага на той территории, откуда он попытается на нас напасть.

„Правда", 13 октября 1938 г.

Я. Бредкин.
Политрук N части Первой (Приморской) армии

МУЖЕСТВО И ОТВАГА

Мы собрались по тревоге. Как только прибыли к месту назначения, я созвал бойцов своей роты. Сообщил им, что японские самураи нарушили нашу границу. Нам выпала высокая честь—грудью своей защитить советскую землю.

Глаза бойцов горели ненавистью к врагу. Сжимались кулаки.

— Когда же в бой, товарищ политрук? Поскорее бы!— обращались ко мне.

Я собрал комсомольцев—их у нас в роте порядочно. Иллюстрируя беседу примерами из гражданской войны, я разъяснил им, в чем должна заключаться их роль в бою. Затем я распределил комсомольцев по отделениям.

Начался ночной марш к исходному положению. Уже на марше комсомольцы показали себя подлинными передовиками. Поход был труден, бойцы шли в полной выкладке, с пулеметами, дисками. Комсомолец Шнасилов нес помимо своего оружия еще два диска. Он воодушевлял бойцов своей веселостью, на привалах проводил в отделении беседы. Его бодрость передавалась всем окружающим.

1 августа мы вступили в бой. Это было боевое крещение роты. Необходимо было проследить за каждым бойцом, помочь ему освоиться с боевой обстановкой.

Наступая на высоту Безымянную, наша рота с первых шагов попала в серьезную переделку. Перед нами лежал правый край озера Хасан. Искать брода было некогда. Противник поливал нас ураганным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем.

Командир роты бросился в озеро. Я за ним.

Перед этим я объяснил всем бойцам, что переправиться на тот берег надо во что бы то ни стало, так как от этого зависит выполнение общей боевой задачи. Один за другим они бросались в воду и под градом пуль переплывали озеро. С пулеметами, дисками, помогая друг другу, все, как один, бесстрашно поплыли бойцы. Вскоре мы были на другом берегу.

В этом бою рота закалилась, окрепла. Все были охвачены боевым энтузиазмом. Карагандинский рабочий, казах Шнасилов, Жампиисов подали заявления о приеме в партию. Четыре бойца подали заявления о приеме в комсомол. Среди них—боец Шляпников. Будучи во время боя посыльным командира роты, он отлично выполнял все поручения, выходя невредимым из любой перепалки.

В этом бою все красноармейцы воочию увидели силу своего оружия, направляемого опытной рукой. В минуты передышек они советовались с младшими командирами, как быть в тех или иных случаях. Особенно старался молодой автоматчик, который недавно прибыл к нам и не успел еще основательно изучить свое оружие. Он попросил командира роты проинструктировать

его, и тот охотно разъяснил все волновавшие автоматчика вопросы.

Для политической работы создалась самая благоприятная почва. Коммунисты и комсомольцы работали организованно. Они все время находились с бойцами, проводили беседы, разъясняли обстановку на фронте. Бойцы проявляли живейший интерес к любому, даже самому мелкому сообщению, вслушивались во все беседы с небывалым вниманием, особенно, когда речь заходила о событиях на фронте. К сожалению, первое время мы получали об этом недостаточную информацию.

Накануне решающего боя в роте было проведено комсомольское собрание. Мы лежали в окопах. Воспользовавшись вечерним затишьем, я, замещая раненого комсорга, предложил комсомольцам собраться в расположении третьего взвода. Вскоре все были в сборе. В повестке один вопрос: боевая задача завтрашнего дня.

— Мы пойдем на штурм стеной,—заявляли комсомольцы,— наша задача—не только быть впереди, но и помогать отстающим, вести их за собой.

С горячей речью выступил тов. Шпасило:

— Если потребуется, мы будем телом рвать проволочные заграждения, но возьмем высоту Заозерную,—сказал он.

Между взводами, отделениями, между бойцами развернулось соревнование за право первым водрузить красное знамя на высоте Заозерной. Во всех договорах основными пунктами были следующие: сохранение живой силы, сбережение боевого имущества, высокая организованность, железная воинская дисциплина.

Готовясь к бою, я еще раз проверил весь состав роты.

Утром, накануне атаки, я обошел подразделения, побеседовал с бойцами. Под конец обхода зашел к бойцу, который прибыл к нам накануне и не был еще обстрелян. Пробравшись к нему в окоп, я стал рассказывать о предыдущих боях, о героических эпизодах, интересовался его подготовкой, знанием стрелкового дела.

В это время у кромки окопа разорвался японский снаряд. Я получил два ранения.

В полевом лазарете я узнал, что высота Заозерная взята после решительного и отважного штурма. Самураи были уничтожены. Немногие, кому удалось уцелеть, с позором бежали с советской земли.

Я молодой политрук. У меня не было большого багажа политической работы. За шесть дней, которые провел в боевой обстановке, я приобрел богатейший опыт.

Я еще раз убедился на деле, что преданность партии Ленина—Сталина, любовь к родине рождают в бойце такую отвагу, такое мужество, которые не могут быть сломлены ничем—ни артиллерийским огнем, ни пулями.

Мы шли в бой с именем Сталина на устах и побеждали с этим любимым именем.

26 августа.

„Красная звезда", 27 августа 1938 г.

Георгий Сазыкин.
Заместитель политрука

ЗА РОДИНУ!

Из дневника участника боев в районе озера Хасан

29 июля. Ночь. Все спят. Неожиданно раздается боевая тревога. Быстро собираемся в назначенное место. Нам выдают боеприпасы, питание, все необходимое для похода. Здесь же узнаем о том, что японцы нарушили советскую границу.

Получил на себя патроны. Узнал задачу. Созвал комсомольских организаторов подразделений. Объяснил им обстановку. В сплошной темноте выступаем по направлению к границе. В воздухе душно, жарко. Мы быстро двигаемся вперед.

1 августа. Исторический день в моей жизни. Никогда его не забуду. В восемь часов утра наша часть получила боевое задание—занять высоту Безымянную. Невозможно передать, какой подъем охватил бойцов. Все горели одним желанием—как можно скорее занять высоту и выполнить приказ: отогнать врагов от советской земли.

— Товарищи комсомольцы! К бою готовы?—спрашиваю я. Из глубины окопов дружно раздается—„готовы!"

Я иду в атаку с первым взводом, которым командует младший лейтенант Григорьев.

— Вперед!—раздается команда.

Вместе с Григорьевым выбегаем вперед, за нами стремительно двинулся весь взвод. Около нас с винтовками наперевес, с привинченными штыками, решительно идут красноармейцы Михайлов, Белоносов, Степанов, Григорашини и другие.

Японцы заметили наше движение и открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Вражеские пули сразили нескольких наших замечательных товарищей. Жгучая ненависть к врагам влекла нас вперед, удесятерила наши силы. Впереди река. Но нет непреодолимых препятствий, когда идешь в бой за советскую родину!

— Вперед, за родину, за Сталина!—кричим мы с командиром во весь голос. Бойцы подхватывают наш призыв. Бросаемся в реку. Плыть трудно. Японцы обстреливают. Переправили оружие, помогли слабым. Выбрались все. Вот, наконец, высота. Завязался ожесточенный бой. Японцы не выдержали нашего натиска. Мы бьем их из винтовок, пулеметов, колем штыками.

2 августа. Враг много раз переходил в контратаку. Напрасно! Каждый раз японцы бегут назад, оставляя трупы своих солдат. Все время мы находимся под густым неприятельским огнем.

Между мной и курсантом Белоносовым произошел интересный разговор. Обстановка разговора—необычная. Идет бешеная стрельба. Артиллерийский огонь усилился. Мы лежим на огневом рубеже. Белоносов охотится за японским снайпером. Замечательный парень Белоносов! Вдруг он подвигается ближе ко мне и спрашивает:

— А заседание бюро будет здесь? Мое заявление о приеме в комсомол разберете?

Смотрю я на него, а лицо у него такое хорошее! Он улыбается, ждет ответа. Не скрою, сильно он растрогал меня своим вопросом.

— Будем, будем разбирать ваше заявление, товарищ Белоносов. Вы достойны великого звания члена ленинского комсомола,—кричу я ему.

5 августа. Утром получили задачу: „6 августа занять высоту Заозерная и места к ней прилегающие". Все. Для нас ясно, что делать.

Перед боем тут же, в окопах, созываем совещание комсомольского актива. На совещании обсуждается поставленная перед нами задача. Несколько заместителей политруков сошлись вместе: Брядкин, Балашов, Ильин, Гайдай, я и другие. Мы вспоминаем героические эпизоды из периода гражданской войны, из кинокартин и книг.

— Кинокартины „Балтийцы" и „Мы из Кронштадта" вы видели?—спрашиваю я.

— Ну, как не видеть!—весело отвечают молодые политработники.

— Так вот,—напоминаю я им,—помните, как комиссары-большевики увлекали за собой массу и побеждали? Будем и мы с вами подражать лучшим людям, героям нашей родины.

Крепко пожав друг другу руки, мы разошлись—готовиться к завтрашнему наступлению.

6 августа. Ночью занимаем исходное положение. На коротком митинге сообщаем бойцам задачу: уничтожить врага, взять высоту. Для этого требуется организованность, дисциплина, смелость, отвага.

— Мы готовы итти в бой!—хором кричат бойцы. Настроение у всех приподнятое.

Роем окопы. Подтягивается снаряжение. Проверяется оружие.

Командир орудия комсомолец Шикин готовит свое орудие. Лейтенанты тт. Лизун и Денисов проверяют, все ли подготовлено к предстоящему бою. Инструктор, политрук Гвоздев (в этот день он героически погиб) проверяет готовность к атаке. Несмотря на ночь, работа кипит. Глаза привыкли к темноте. Готовимся тихо.

Из-за скалы показался диск солнца. Оно вселило в нас бодрость и энергию. Кто-то затянул вполголоса песню.

6 августа. Перед атакой. 14 часов. Сидим в окопах, ждем приказа. Еще и еще раз проверяем себя, свою готовность к атаке.

У всех одно—скорее пойти в бой и победить. В том, что победа будет за нами, ни на секунду не сомневаемся. Мы знаем, что воюем за свое счастье, за отчизну.

Понимаем также, что война без жертв не бывает. Кто знает—минет ли его пуля в предстоящем бою.

— Товарищ Погорельцев, готовы? Флягу-то возьмите с собой,—оживленно говорит командир отделения.

— Я готов. Вот только каска... слишком жарко в ней,— бурчит про себя Погорельцев.

Начались собеседования. Мы пересыпали их острыми словами, шутками. Тут же мы вложили в специальные коробочки свои адреса. Это—чтобы знали, куда сообщить родным, если мы погибнем в боях за родину. На обратной стороне адреса каждый написал письмо, по-своему выражая чувства перед боем. Я написал:

„Если я погибну, так не зря. За нашу родину отдадим жизнь. Знаю, что победа всегда будет за нами, за ВКП(б), за великим Сталиным. Да здравствует победа! 6 августа 1938 г. Сазыкин".

Полные уверенности, мы двинулись в атаку на укрепленную японцами высоту.

— Наша земля вся до единой пяди должна быть очищена от врагов!—прокатилось по рядам.

6 августа. Начало атаки. 15 часов. Вдалеке слышится гул моторов. Это идут наши советские самолеты. Гул все усиливается. Ближе и ближе... Раз, два, три, четыре, десять... Сразу не пересчитаешь.

Стальные птицы уже над нами. Ярко сияют красные звезды на крыльях. Появление самолетов еще больше воодушевляет нас. Мы впились глазами в небо.

Самолеты все идут. Слышны уже первые выстрелы с наших истребителей по врагу. Появились бомбовозы. Мощные, они плывут под облаками, как орлиные стаи.

Взрыв. Другой. Советская авиация начала работать. Высота Заозерная, где были японцы, покрылась клубами сплошного черного дыма. Земля сотрясается от разрывов бомб. Враг получил по заслугам.

Бомбометание еще продолжается, а сзади уже нарастает новый грозный гул. Идут танки. Бронированные сухопутные корабли на больших скоростях забрались на склон и прошли мимо нас вперед. Раздается громкая команда:

— За танками,—бойцы вперед! За коммунизм!

Мгновенно все поднялись. По убегающим японцам мы открыли ружейный и пулеметный огонь. Рядом со мной Григорьев, немного впереди—Лизун. Я крикнул:—Комсомольцы, вперед!

Оглядываюсь. Отстающих нет. Разве могут отставать комсомольцы? Заозерная все ближе. Враг упорно сопротивляется, пытается задержать нас своим огнем. Продолжаем наступать, двигаясь редкой цепью. Вот лощина. Залегли в ней. Рота вся в сборе. Командиры впереди.

— Перебежками вперед!—раздается новая команда.

Ползком и бегом, пользуясь малейшим прикрытием, движемся вперед, к вершине. Непрерывно держу связь с боевым командиром Григорьевым. Не впервые мы идем вместе в атаку. Сейчас мы впереди роты. Руки крепко держат наганы и гранаты. Неожиданно из рук комсомольца Смирнова выпало красное знамя, которое мы несем, чтобы установить его на вершине. Знамя подхватил другой боец. Снова бежим вперед под

сильным огнем. Небольшой ров. Рота залегла. Я нашел Смирнова. Он перевязывал себе рану. Спрашиваю:—Ну, как? Можешь итти в бой?

— Конечно, могу и пойду!

Это была последняя наша остановка. Спустилась ночь — темная, беззвездная. Некоторые товарищи ранены, есть убитые. Наша ярость, вера в победу все возрастает.

— Товарищи, последний натиск! Руби проволочные заграждения!—во весь голос кричит младший лейтенант Григорьев. Мощное ура катится по склону. Ножницами, лопатами режем, рвем проволоку. Прикладами, штыками уничтожаем колья проволочных заграждений. Быстро устроили проходы. Прорвались на самый гребень сопки Заозерной. Группы японцев, случайно уцелевших от бомб нашей авиации, уничтожаем штыками, гранатами. Пусть знает враг силу гнева советского народа! На высоте взвилось красное знамя. Его пробивают пули, осколки гранат. Но, пронесенное сквозь бой, оно гордо реет над сопкой. Мы победили.

Всю ночь идет стрельба. Бьет артиллерия, пулеметы, винтовки. Рвутся гранаты. Мы выбиваем последние остатки врага. Советская земля очищена от захватчиков. Горячо поздравляем друг друга с победой. Радость полная, всеобщая.

7 августа. Высота наша. Но бой еще не закончился. Снова ночь. Японцы думают, что мы спим. Нет, мы лежим на передней линии, готовые ко всем неожиданностям боевой обстановки.

Раздался шорох. Наш наблюдатель крикнул: кто идет? Молчание. Это была группа японцев. Пользуясь ночной темнотой, она осмелилась приблизиться. Раздалась команда: в ружье! Смертельным голосом для врагов заговорили наши пулеметы, винтовки, гранаты.

Вдруг на фланге замолчал наш пулемет. Подползаю туда вместе с младшим комвзводом Катаевым. Катаев становится к пулемету первым номером, я—вторым. Пулемет снова начал поливать свинцом наседавших японцев. Они бежали назад. Многие полегли, сраженные нашими пулями. Внезапно Катаев схватил мою руку.

— Что с тобой?—спрашиваю.

— Меня ранило в ногу, Сазыкин,—отвечает он.

Жаль парня. Но что делать? Отвел его в более надежное место.

В эту ночь мы выдержали несколько атак врага. Все они были отбиты.

9 августа. Третий день находимся на вершине Заозерной. Получив суровый урок, японцы боятся лезть к нам. Они действуют отдельными группами. На фланге одна японская группа прорвалась в наш тыл. 15 наших бойцов под командой младшего комвзвода Егорова пошли уничтожать врага. Сошлись очень близко, открыли огонь. Очень метко бросает гранаты Егоров,—каждая попадает в цель. Я работаю вторым номером пулемета. Вдруг случилась беда. В кожухе пулемета не стало

воды. Сливаем остатки из всех фляг. Огонь продолжается. Через час враг был полностью уничтожен.

Вот уже три дня, как я не видел Григорьева. Все это время я был вместе с другим подразделением. Григорьев—очень хороший, скромный, боевой товарищ. Мы крепко подружились. Когда наступило небольшое затишье, я пошел искать Григорьева. Спрашиваю, люди молчат. Я понял: что-то случилось. Наконец, бойцы переглянулись между собой, сказали:

— Сегодня утром Григорьев погиб.

Дальше не слушал. Знал, что товарищ умер смертью героя, иначе быть не могло.

Меня разыскивают. Зовет командир.

— Вы, Сазыкин, назначены комиссаром части. Комиссара Белорусского ранило.

Так я стал комиссаром нашей части на высоте Заозерная. Сегодня снова жаркий день. Новые японские части лезут на сопку. Мы бьем хорошо, метко. Отбили уже несколько атак.

★

Враг уничтожен. Он—за линией границы.

Уже несколько дней нахожусь в госпитале. Скоро выпишусь к своим боевым товарищам. Сейчас ночь, раненые спят. Тихо. Интересно, что в эти часы делается на границе?! Какие у нас замечательные люди, товарищи, бойцы!

„Правда", 1 сентября 1938 г.

З. Абрамов.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Обагренное кровью, изрешеченное пулями, влажное от не перестающих дождей, гордо развевалось над высотой Заозерной красное знамя.

Вокруг него, среди острых камней, на скалистой вершине горы, тесным кольцом сгрудились бойцы.

Каждому хочется быть поближе к знамени, чтобы твердой рукой защитить его от посягательств японских захватчиков.

Вчера с этим знаменем шли в атаку. Оно появилось здесь за несколько часов до штурма высоты. Рабочие и колхозники Посьета прислали его вместе с подарками бойцам, находящимся на передовой линии огня. Политрук Артем Панченко, мужественный рабочий, слесарь—коммунист, вручая красное полотнище комсомольцам Смирнову и Гайдай, сказал:

— Сделайте древко покрепче. С этим знаменем мы идем в атаку.

Глубокой ночью на разных концах фронта проходили собрания бойцов. На каждом таком собрании говорили о красном знамени, которое должно быть водружено на высоте Заозерной. И когда говорили об этом знамени, имели в виду великую

родину, которая послала своих сыновей сюда, на защиту священной советской земли. Когда говорили о знамени, имели в виду партию, которая воспитывает советских людей в духе коммунизма, которая сделала их свободными и счастливыми.

И на том собрании, где председательствовал Артем Панченко, тоже шла речь о красном знамени, посланном на фронт рабочими и колхозниками Посьета, маленького дальневосточного городка. В тот момент, когда комсомолец Гайдай пламенно говорил о мирном труде советского народа, подошел комсомолец Смирнов и развернул перед собравшимися красное знамя. Все бойцы и командиры приблизились к нему. Тут же, под алым стягом, поклялись первыми водрузить знамя на высоте.

Каждый жаждал ощутить в своих руках красное знамя, все наперебой просили своего политрука лишь об одном:

— Дайте мне знамя, товарищ политрук!

Знамя было вручено заместителю политрука комсомольцу Смирнову. Тому, кто только что развернул его перед своими товарищами.

По крутым каменистым склонам, все время впереди части, под ураганным огнем двигался Смирнов к вершине высоты. Вот бойцы уже достигли вершины. Смирнов развернул красное знамя и крикнул:

— Товарищи, высота наша! Сюда ко мне!

Со всех сторон слышалось красноармейское „ура". Пулеметчики, стрелки, связисты радостно возвещали друг другу о том, что красное знамя уже развевается на высоте.

Клятва советских патриотов нерушима.

Нашими войсками уже была занята высота Заозерная. Те, кто шли в атаку, встали сейчас на защиту красного знамени.

Японцы любой ценой желали снять с высоты Заозерной красное знамя—символ счастья всего трудящегося человечества. Они вели по нему артиллерийский огонь, они подсылали к знамени своих снайперов. Они бросали в его сторону ручные гранаты. Его рвало осколками снарядов, пулями, осколками гранат, но оно все так же гордо развевалось над высотой.

Знамя охранял старшина Георгий Кокорин, комсомолец, забойщик уральских золотых приисков. Все эти дни он под градом пуль возил своим товарищам провизию на передовые позиции. Несколько раз японские пушки яростно обстреливали повозки, нагруженные консервами, хлебом и овощами. Несмотря ни на что, провизия всегда доставлялась бойцам во-время. Товарищи старшины, атаковавшие высоту, все время продвигались вперед. Каждый раз он заставал их на новом месте все ближе и ближе к озеру Хасан. Но когда он приехал в последний раз, товарищи его были на высоте—завершался штурм. Кокорин и красноармейцы, приехавшие с ним, ни минуты не желали оставаться по эту сторону озера. Он отдал коней отделенному командиру Горбульке, а сам вместе с ездовыми двинулся на штурм высоты. Политрук Артем Панченко поручил ему защиту знамени.

Кокорин сразу же вырыл окоп и расположился с своими ездовыми около знамени. Рядом с ним лежали комсомолец

Патрышев и младший комвзвод Гаврилов. Из-под горы все время подползали японцы. Кокорин и его товарищи били по ним из винтовок, и японцы кубарем катились на свою сторону.

Ночью к знамени подполз японский офицер. Он протянул руку с гранатой. В этот момент Кокорин схватил поганую руку, скрутил ее, и граната выскользнула. Кокорин бросил эту гранату в японцев, ползших за своим офицером. Раздался взрыв. Затем налетчики с грохотом покатились вниз.

Ночью Кокорин отправлялся в разведку. Обращаясь к своему командиру, он говорил тогда:

— Товарищ капитан, разрешите осмотреть местность. Может, кто-нибудь замаскировался.

В одну из таких разведок он захватил в плен японского унтер-офицера. Спрятав голову в воронку от разрыва снаряда, унтер-офицер, заслышав шаги, притворился мертвым. Кокорин потрогал „мертвого" за ногу, нога сгибалась. Стоявший рядом с Кокориным красноармеец сказал:

— Товарищ старшина, дайте-ка я ему пульс попробую.

„Мертвый" вынужден был встать. Его привели в штаб.

Здесь же, недалеко от бесстрашного Кокорина, устроились в окопе с своими пулеметами два товарища—Александр Башкиров и Иван Плясунов. Перед ними, водруженное над камнями, развевается красное знамя. Плясунов был вторым номером, но когда ранили соседнего пулеметчика, он лег за его пулемет рядом с пулеметом Башкирова. Им приходится все время вести огонь. Японцы стреляли в них прямой наводкой из орудия. Как-то вражеский снаряд разорвался около самого края окопа, осколок ударился о каску Плясунова, но отскочил, не причинив вреда пулеметчику. После этого только немного звенело в ушах. Другой раз снаряд разорвался около знамени. Взлетела в воздух земля, а вместе с ней коробка с патронами. И на этот раз все обошлось благополучно. Теперь, наблюдая, как около красного знамени разрываются снаряды, оба товарища еще крепче сжимали оружие в руках.

Совсем недавно, только прошлой осенью, их можно было видеть на маленькой железнодорожной станции. Они сели в воинский эшелон, который увез их на Дальний Восток. Оба попали в один взвод, в одно отделение, оба учились стрелять из одного пулемета. Отправляясь на стрельбища или в класс, они постоянно соревновались друг с другом. Башкиров и Плясунов—отличники. Часто вечером перед тем, как заснуть, они делились мыслями о том, как будут вести себя в случае, если вдвоем окажутся в бою. И вот Башкиров и Плясунов лежат сейчас в одном окопе, защищают от японских провокаторов красное знамя.

От непрерывного огня в пулемете Башкирова закипела вода. Плясунов подал ему свою флягу с ключевой водой. В это время вражеская пуля ранила Плясунова. Башкиров, не отрываясь от пулемета, сделал перевязку товарищу и посоветовал ему уйти в тыл. Плясунов отказался.

— Я от тебя не уйду, пулемета не оставлю,—сказал он.

Раненый Плясунов меткими очередями поливал свинцом японскую мразь, не подпускал ее к красному знамени.

Радостными приветствиями встретили бойцы, защищавшие знамя, прибывших на высоту саперов. Те перетаскивали на себе большие мотки колючей проволоки. Закипела работа: кто колья вбивает, кто раскатывает мотки, кто проволоку натягивает. Огонь не прекращался. Саперы, время от времени скрываясь в окопах, снова выбегали на вершину и продолжали свою работу.

Скоро проволочные заграждения закрыли подступ к знамени. Только что молодой сапер Дмитрий Мещеряков натянул еще один ряд проволоки, как рядом с ним упал снаряд. Мещеряков успел во-время скрыться в окопы. Его всего засыпало землей. Подбежавший товарищ сразу же стал его откапывать. Оправившись от сильного удара, Мещеряков бросился продолжать прерванную работу. Через короткое время можно было видеть, как японцы, запутываясь в проволочных заграждениях, падали недалеко от знамени, сраженные метким огнем наших бойцов. Советская артиллерия заставила замолчать японские батареи.

Великое непобедимое знамя, обагренное кровью героев, изрешеченное пулями, гордо развевалось на самом краю советской земли.

Район озера Хасан, август.

„Красная звезда", 11 сентября 1938 г.

Теклин.

Старший лейтенант, участник хасанских боев

ШТУРМ ВЫСОТЫ БЕЗЫМЯННОЙ

Командир части тов. Кулагин получил из штаба соединения приказ. В нем говорилось, что японцы нагло нарушили нашу границу. Части приказано очистить советскую территорию от зарвавшихся налетчиков.

Тов. Кулагин собрал командиров и политработников, сообщил им о приказе и отдал распоряжение—подготовиться к выступлению. Через час часть выступила на границу. Приказ о защите родины бойцы и командиры встретили с величайшим подъемом боевого духа. Каждый горел единым желанием—скорее на границу, чтобы проучить наглого врага. Марш в исключительно тяжелых условиях был совершен блестяще. Не было ни единого отставания, к пункту сосредоточения пришли в полной боевой готовности.

Часть получила приказ занять исходное положение на высоте 68,8, приготовиться к наступлению. Тов. Кулагин с работниками своего штаба разработал детальный план наступления. План был сообщен командирам подразделений. Весть о наступлении вызвала у каждого бойца, командира и политработника огромное воодушевление. Оно нашло свое выражение в том, что сотни бойцов и командиров подали заявления с просьбой принять их в партию и комсомол.

В 18 часов 6 августа подразделения нашей части перешли в наступление. Наступали в весьма трудных условиях, под сильным огнем. Преодолевая болота вброд и вплавь, вступили в непосредственное соприкосновение с противником. Завязался жаркий бой. Первым вступило в бой подразделение старшего лейтенанта тов. Сухова, за ним шли роты Маврикова и Иванова.

По достижении северо-восточных скатов высоты Безымянной, в 50 метрах от озера Хасан, тов. Сухов был смертельно ранен. Истекая кровью, он подозвал командира взвода Кочнева и сказал ему:

— Смело ведите роту в бой, враг должен быть уничтожен! Передайте бойцам и командирам—я умираю с верой, что они с честью выполнят боевую задачу...

Наказ умирающего командира-коммуниста стал достоянием каждого бойца. Гневом и ненавистью переполнились сердца. Отомстить за командира! Уничтожить обнаглевших гадов до единого!—таково было единодушное молчаливое решение роты.

— За Сталинскую Конституцию, за великого Сталина, за родину, вперед, товарищи!—бросает боевой клич политрук тов. Катков. Слова зажигают бойцов, влекут их вперед, на уничтожение противника.

Враг зарылся в окопы, ведет сильный ружейный огонь. Но никто не в силах сдержать стремительного движения бесстрашных бойцов нашей славной пехоты.

— Вперед, за мной!—командуют младшие командиры Калинцев и Журавлев и своим бесстрашием увлекают бойцов. Сраженный пулей в грудь, умирает смертью храбрых младший командир комсорг тов. Калинцев.

Все сильнее и сильнее разгорается в бойцах ненависть к наглым захватчикам. Сознание проникнуто единой мыслью—скорей достигнуть окопов, разгромить и уничтожить врага.

Роты накопились для броска в атаку, и с боевыми лозунгами—„За родину!", „За великого Сталина!"—командиры повели их на врага. Японцы не выдержали стремительного натиска и в панике стали отступать. По отступающему противнику был открыт сильный пулеметный и ружейный огонь, бойцы нагоняли удирающих самураев и кололи их штыками.

Высота Безымянная была атакована в течение двух часов. Одновременно и другие наши части успешно громили японцев на высоте Заозерной. Вскоре на ее вершине гордо развевался красный флаг.

В последующие дни наша часть еще несколько раз ходила в атаку на засевших в укрытиях японцев, и каждый раз враг терпел поражение, он подвергался полнейшему разгрому.

Японцы сажали в укрытиях снайперов с задачей: выводить из строя наш командный состав. Для уничтожения этих засад были организованы специальные группы. 9 августа этими группами было уничтожено 6 снайперов. Один из пойманных снайперов хотел бросить гранату, но она разорвалась у него в руках, и он был убит своей же гранатой.

В процессе пятидневных беспрерывных боев, бойцы, коман-

диры, комиссары и политработники показали высокую боевую выучку, беспредельную преданность своей любимой родине и великому вождю трудящихся товарищу Сталину.

Японские самураи, посмевшие нарушить наши границы, получили крепкий урок и вынуждены были убраться во-свояси.

„Правда", 20 октября 1938 г.

П. Солянов.

Майор, командир N полка 1-й Отдельной Краснознаменной армии

ШТУРМ СОПКИ ПУЛЕМЕТНОЙ

С быстротой молнии облетела бойцов и командиров нашего полка весть о вторжении японских захватчиков на советскую территорию. Возмущению не было границ.

У всех нас было одно стремление—как можно быстрее притти на помощь пограничникам, геройски защищавшим высоту Заозерную.

Подняв полк по тревоге, мы двинулись к месту, где наши пограничники вели бои. Итти пришлось в очень трудных условиях. От прошедших недавно дождей всюду образовались непролазные лужи.

Учитывая, что противник имел возможность просматривать с высоты Заозерной нашу территорию, мы решили итти ночью. Движение происходило при абсолютной темноте. Полк прекрасно совершил ночной марш. Командиры и бойцы умело применяли светомаскировку, двигались как можно тише, не подавая никаких признаков, которые помогли бы нас обнаружить.

Сразу же после прибытия к месту боев мы оказали помощь пограничникам: приостановили дальнейшее продвижение наглых захватчиков. Мы заняли подножие высоты Заозерной, напротив сопки Пулеметной.

Несколько слов об этой сопке. Она прилегает к Заозерной слева. Противник укрепил ее множеством пулеметов. Как оказалось впоследствии, пулеметных гнезд было больше сорока. Отсюда и возникло наименование сопки: „Пулеметная". Так мы называли ее все дни боев в районе озера Хасан. Это название осталось за ней и сейчас.

Укрепив сопку Пулеметную, противник имел более выгодные позиции, чем мы. Он легко просматривал всю нашу территорию, держа ее под усиленным пулеметным и артиллерийским огнем, прикрываясь высокой и густой травой. В таких условиях нам и пришлось двигаться к исходному положению.

Неоценимую услугу оказали нам лопаты, которыми были снабжены все бойцы. Окопавшись, мы повели разведку сил противника и его уязвимых мест.

В 22 часа 1 августа был получен приказ, в котором полку ставилась боевая задача. С 9 часов 2 августа полк должен был начать наступление, занять высоту 62,1 и в дальнейшем достигнуть отметки 1,5 на южных скатах высоты Заозерной.

Собрав командный состав, я произвел рекогносцировку, после чего выслал конную и пешую разведку.

Батальоны занимали исходное положение ночью. Командиры батальонов действовали прекрасно. Они выбрали и заняли лучшие на этой местности позиции.

Утром после артиллерийской подготовки я отдал приказ двигаться вперед. Не прошло и полчаса, как высота 62,1 была нами занята. Туда же я перенес свой командный пункт.

Противник обрушился на нас сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Он располагал в этот период боя большим количеством огневых средств. Со стороны сопки Пулеметной у него действовало 36 пулеметов, а из-за реки Тумень-Ула—до 20 пулеметов. Артиллерийские средства противника—до двух дивизионов. Первый дивизион находился в районе озера Хамакова, второй—у озера Цианцы. Кроме того на железнодорожной линии действовал его бронепоезд.

Под сильным огнем противника батальоны залегли. Вскоре мы получили дополнительный приказ, в котором говорилось о о трех налетах, совершенных нашей авиацией. В 16 часов были произведены два налета. Мы были свидетелями превосходного бомбометания нашими летчиками.

Батальоны заняли исходное положение. Перед каждым из них я поставил задачу. Третьему батальону было приказано действовать на правом фланге со стороны озера Хасан (рубеж—у кустов) с дальнейшим броском к укрепленной огневой точке противника. Второму батальону—наступать на сопку Пулеметную, выбить оттуда противника и выйти к отметке 1,5 на южном скате высоты Заозерной. Первый батальон должен был действовать за левым флангом второго батальона по долине реки Тумень-Ула. Развернувшись из-за левого фланга второго батальона, он должен был охватить сопку Пулеметную слева и продвигаться к отметке 1,5.

После налета на противника нашей эскадрильи штурмовиков я дал сигнал атаки. Метров до 400 мы шли, не будучи обстреливаемы противником. Японцы, видимо, думали подпустить нас на близкое расстояние, а затем расстреливать в упор. Их замысел мы разгадали. Японцы просчитались. Они забыли, что имеют дело с красноармейцами, выпестованными большевистской партией.

Командиры и бойцы проявили решительность, быстроту в движении—вплоть до штурма. Японцы открыли ураганный огонь артиллерии, пулеметов, винтовок. Наша пехота под прикрытием станковых пулеметов и огня противотанковой артиллерии, которая била прямой наводкой, броском пошла в атаку.

Японцы атаки не приняли. После гранатного боя противник отошел. Сопка Пулеметная была нами взята.

В этом бою многие бойцы и командиры проявляли разумную инициативу, быстро и правильно принимали решения в самой сложной обстановке.

Второй батальон был задержан пулеметным огнем противника. Командир первого батальона старший лейтенант тов. Змеев,

не дожидаясь приказа, быстро принял соответствующее моменту решение. Его батальон обошел сопку слева и атаковал противника. Этим самым он обеспечил продвижение второго батальона вперед.

Разведывательное подразделение, действовавшее правее сопки, натолкнулось на множество укрепленных точек врага. Командир т. Скрыпченко сосредоточил по ним пулеметный огонь. Остальной состав роты, хорошо маскируясь, незаметно пробрался в тыл японцев и атаковал их. Враг был уничтожен.

Замечательно действовали наши славные пулеметчики. Командир отделения станковых пулеметов тов. Романов увидел, что одна хорошо замаскированная снайперская точка противника мешает продвижению нашей пехоты вперед. Он быстро сменил позицию и дал из двух станковых пулеметов очереди в сторону снайперской точки. Противник замолчал.

С высоты Заозерной прямой наводкой стреляли по нас пушки, установленные между скал. Они сильно мешали нам. Командир пулеметного взвода лейтенант тов. Евдокимов, собрав 7 пулеметов, ползком выдвинул их на бугор, предварительно рассчитал прицел и открыл огонь по пушкам. После нескольких очередей японские пушки замолчали.

Во время наступления неоценимыми оказались противотанковые пушки, приданные нашему полку. Прямой наводкой они уничтожали огневые точки японцев. Рядом со мной находилось одно из противотанковых орудий. Оно вывело из строя пять японских пулеметных точек.

Можно привести десятки примеров прекрасных, инициативных действий бойцов и командиров. Их было много в каждом батальоне, в каждой роте, в любом взводе и отделении.

Тактически грамотно действовал командир 3 батальона тов. Разодеев. В любых условиях боя он отдавал четкий, грамотный приказ, ясно ставил подразделениям задачи. Действуя на правом фланге, он четко и хорошо решил задачу флангового удара. Сосредоточив на первом рубеже часть пулеметного огня и привлекая этим сюда огневые средства противника, он в то же время создал левее ложное направление удара, а с главными силами повел наступление значительно правее, ударив во фланг противника. Японцы, ожидавшие наступления слева, были захвачены врасплох и уничтожены. Мало кто из них успел уйти.

Бои у озера Хасан показали непобедимую силу оружия Красной Армии, мужество красных воинов, тактическую грамотность наших командиров.

„Красная звезда", 11 сентября 1938 г.

Т. Московец.
Командир пулеметчиков

НЕ ДАВАЛИ ВРАГУ ПОДНЯТЬ ГОЛОВЫ

Я работал на складе и должен был, не теряя ни одной секунды, выдавать имущество. Комиссар приказал никуда не отлучаться, работать быстро и четко. Мы, конечно, выполнили приказ и сделали все, что от нас требовали. Когда часть выехала на фронт, я заскучал. Очень просил, чтобы и меня взяли, но было сказано: „Оставайтесь, вы здесь будете нужны".

Вскоре я и мой помощник увидели, что делать на складе больше нечего. Мы стали вновь просить начальника, чтобы нас отправили на фронт. Нам снова не разрешили. Прошло несколько дней. Написали докладную записку начальнику гарнизона.

Он сначала не соглашался, потом все же разрешил нам выехать на фронт.

Мы с радостью двинулись в свою часть. Ночью доехали до штаба армии. Докладываем, что направляемся в часть. Спрашиваем: как нам туда добраться?

— Подождите, скоро туда машина пойдет,—говорит помощник начальника штаба.

Боясь опоздать, отправились пешком.

Итти нужно было 25 километров. Всю ночь мы блуждали. К утру нашли штаб одной части и получили назначение. Меня послали командиром взвода пулеметчиков.

По приказу нужно было подавить все огневые точки противника, расположенные на высоте (там было около 40 пулеметов). Очень помогла в этом авиация. Она отлично делала свое дело и воодушевляла бойцов.

Во время бомбежки мы выдвинулись на передовую позицию. Получив дополнительный приказ о наступлении, мы заняли свои огневые позиции и открыли сокрушительный огонь по врагу. Наши пулеметы так сильно били, что не давали противнику поднять головы. Самураи не имели никакой возможности вести огонь. Наша пехота продвигалась вперед бодро и уверенно.

Действовали в бою так, как нас учили, когда мы были еще курсантами. Быстро меняли огневые позиции, если они оказывались уже непригодными. Лично мне пришлось три раза менять позиции. Метров 300 пробежишь—установишь пулемет, и работа кипит. Я стремился вывести из строя весь вражеский состав.

В это время противник усилил огонь. Я лег около пулемета, огляделся и, обнаружив два станковых пулемета противника, уничтожил их.

Вскоре пришло дополнительное распоряжение: растянуть фронт и итти дальше несколько вправо к высоте. Приступили к выполнению приказа, но наткнулись на заградительный отряд японцев, который открыл стрельбу. Нас это не остановило. Не думая о том, что вокруг нас рвутся снаряды, мы бодро шли вперед.

Преодолев хребет и установив пулеметы, мы открыли ура-

ганный огонь по противнику. Он ответил тем же. Из строя выбыл наш наблюдатель: его ранило. Я вынужден был взять в руки винтовку и сам вести наблюдение. Кончились патроны в винтовке. Пришлось взять автомат и стрелять из него. Потом опять перешел к пулемету.

Во время наблюдения мое внимание привлек снайпер противника. Я начал за ним охотиться и с помощью бинокля быстро его обнаружил. Установив прицел, выстрелил в него, но в ту же секунду в щит ударила пуля, и лицо мое осыпало свинцом. Я почувствовал, что по лицу течет что-то горячее, но ранения не заметил. Потом разорвалась граната. Меня ранило в руку и отбросило от пулемета. Подскочил товарищ.

— Ты что,—спросил он,—ранен?

Товарищ сделал мне перевязку, и я лежа продолжал подавать команду.

С гордостью могу заявить, что подразделение действовало энергично. Любой приказ выполнялся точно и быстро.

В заключение хочу рассказать об одном эпизоде. В бою участвовал курсант-пулеметчик Шадрин. Подходя к высоте, он наскочил на вражеский пулемет и немедленно приготовился к стрельбе.

Но тут появился какой-то человек в форме нашего лейтенанта и начал командовать.

— Куда готовитесь стрелять?—закричал он грубо.—Не видите что ли своих? Отставить!

— Как отставить? — удивился Шадрин и твердо заявил:—Я вам не подчиняюсь!

— Что такое?!—снова закричал этот человек. Он вытащил наган, начал стрелять в Шадрина и ранил его. Курсант не растерялся и всадил ему штык прямо в сердце.

Этот „лейтенант" оказался японским шпионом, белогвардейцем, который в форме нашего командира пробрался через границу.

Шадрин действовал как настоящий, преданный родине комсомолец.

„Комсомольская правда", 23 сентября 1938 г.

О. Курганов.

НОЧЬ В БОЮ

Еще перед вечером тридцатого июля японцы начали артиллерийский обстрел южных скатов высоты Заозерной. Снаряды рвались в камышах, в кустах низкорослого кедровика, вдали, на склонах сопок. Был теплый и туманный час заката—багровая полоса отражалась в озере Хасан. К артиллерии присоединились пулеметы. Советские пограничники притаились за холмами. Они были спокойны.

— Куда они стреляют?—спросил Иван Чернопятко, младший командир взвода, придвигаясь к лейтенанту Сергею Христолюбову.

— Это они нащупывают нас,—ответил лейтенант,—хотят, чтобы мы ответили... Но мы помолчим!

В это время японцы прекратили стрельбу. Воцарилась безмятежная тишина. Начиналась дальневосточная ночь, полная тревог и напряжения. Лейтенант Сергей Христолюбов заглядывал в лица бойцов, лежавших в цепи: что переживают они, эти молодые парни, впервые идущие в бой? Уверены ли они в победе? Бойцы встречали лейтенанта шутками или ироническими замечаниями по адресу японцев. Люди были крепки и непоколебимы. Иван Чернопятко, весельчак и храбрец, вызвался пойти в разведку. Лейтенант отпустил его с четырьмя бойцами. Чернопятко пополз впереди, он прислушивался к каждому шороху: его натренированный слух пограничника легко разбирался в этом многообразии звуков ночной жизни. Полежав за холмом, разведчики поднялись и пошли дальше. Вскоре они вернулись и доложили, что все кругом тихо.

— Японцев не видать,—сказал Иван Чернопятко.

В полночь они снова ушли в разведку. Чернопятко продвигался уже более уверенно. Высокий и плечистый, с гранатой в руке, он вел за собой четырех бойцов, вместе с которыми он пришел на дальневосточную границу. На левом фланге Иван Чернопятко услышал неясный говорок. Бойцы остановились, Чернопятко насторожился. „Подождем",—сказал он шопотом. Вскоре Иван Чернопятко увидел силуэты, темную двигающуюся массу. Ветерок донес запах спирта. О том, что японские солдаты „для храбрости" подкрепляются перед боем водкой, он уже слышал не раз. Решив выяснить численность врагов, Иван Чернопятко продолжал двигаться вперед. Он уже ясно различал в сумрачном тумане японские фигуры.

— Стой, кто идет?—крикнул Чернопятко громко и уверенно, как он это делал обычно на границе во время дозоров.

Никто не ответил, но говор стих. Японские солдаты остановились. В это время Иван Чернопятко подполз ближе, следом за ним ползли четыре пограничника. „Огонь",—крикнул Чернопятко и бросил гранату в японскую колонну. В течение минуты бойцы забрасывали японских солдат гранатами. Японские офицеры, опомнившись от неожиданного нападения, начали атаковать пограничников. Их окружили плотным кольцом. Чернопятко подумал: надо вырываться—нас пятеро, а их—до двухсот... Своим внезапным и отважным нападением он решил внести панику в ряды наступающих врагов, задержать их, пока лейтенант Сергей Христолюбов приготовится к отпору. Эта задача была выполнена блестяще. „Отважную пятерку", как прозвали их потом, окружили со всех сторон. Пограничники спустились с холма, прокладывая себе путь гранатами, и скрылись во мраке ночи.

Иван Чернопятко доложил обо всем лейтенанту. Сергей Христолюбов предложил Чернопятко наблюдать за левым флангом. Снова отважная пятерка поползла вперед. Японцы уже заходили с тыла, решив, очевидно, окружить пограничников. Чернопятко повел бойцов наперерез врагу. Подойдя поближе,

они начали забрасывать японцев гранатами. В эту минуту Иван Чернопятко был ранен. Увлекшись боем, Чернопятко не заметил, как он далеко ушел от лейтенанта. Окруженный врагами, он притаился в окопе, подпуская их близко к себе. Потом выбросил весь запас гранат. Воспользовавшись смятением, он, отстреливаясь, быстро пошел к своим частям. Увидев кровь на рукаве, Чернопятко впервые вспомнил о своем ранении.

Тем временем лейтенант Сергей Христолюбов вступил в неравный бой с японцами: семьдесят советских пограничников выдерживали натиск четырехсот врагов. Японская артиллерия снова начала обстрел. Снаряды разрывались у окопов. Лейтенант Сергей Христолюбов вел бойцов вперед. Он появился с забинтованной головой и рукой; подняв вверх гранату, он призывал:

— Вперед, за родину, за Сталина!

Осколком снаряда Сергей Христолюбов снова был ранен. Он присел у бруствера, на одно мгновение, казалось, силы его покинули. Потом лейтенант поднялся, ему предложили покинуть бой. „Вперед, за родину!"—крикнул Сергей Христолюбов. Бойцы бросились в атаку, японские цепи дрогнули, попятились и отступили.

Ночь уже близилась к концу, рассвет обнажал вершины сопок. Ветер покачивал одинокие кусты на склонах холмов. На Дальнем Востоке начинался трудовой день; здесь, у озера Хасан, советские люди дрались за родину. Лейтенант Сергей Христолюбов перевязал свои раны. Его уговаривали итти на перевязочный пункт, но он отказался.

— Сперва нужно уничтожить врагов, потом лечить свои раны,—отвечал он.

Перед лейтенантом мелькала фигура Ивана Чернопятко. Этот человек изумительной отваги появлялся всюду, где грозила опасность. Как вихрь, он налетал со своими бойцами на японцев, бил их гранатами, винтовками, штыками. К японцам подошли новые подкрепления, но бойцы продолжали мужественно и самоотверженно защищать родную землю. Лейтенант Христолюбов снова был ранен в голову. Он пригнулся, отполз в сторону.

— Что?..—с тревогой спросил подбежавший Чернопятко.

— Возьми на себя команду,—сказал тихо Христолюбов.— Я поползу...

Сергей Христолюбов лежал вдали и видел, как младший командир Иван Чернопятко героически отвоевывал каждый метр советской земли. Бойцы нашли раненого лейтенанта Христолюбова и понесли его, пробиваясь сквозь цепи врагов. В пути Сергея Христолюбова еще раз ранило осколком.

Профессор Ахутин оперировал лейтенанта тут же в палатке, на поле боя. Профессор извлекал из тела осколки и пули, насчитав сорок ран. Перенеся все ранения с беспредельным мужеством, остался жив Христолюбов—токарь Лысьвенского завода, ставший командиром-пограничником, показавший врагу, из какого сплава создана Красная Армия.

Вскоре к профессору пришел и Иван Чернопятко: кровь стекала с его головы, но он улыбался. Чернопятко присел у входа в палатку и скорее себе, чем врачам, сказал: „Горячая была ночь!"

„Правда", 17 октября 1938 г.

И. Бледный.
Командир подразделения.

НА ПОДСТУПАХ К ВЫСОТЕ ЗАОЗЕРНОЙ

В бою я командовал подразделением. Выступил на фронт ночью. Перед боем провели специальные беседы с комсомольцами о том, как лучше в этой обстановке, при таком рельефе местности подойти к противнику, чтобы уничтожить его с наименьшей потерей своих сил.

Местность, в которой нам пришлось вести наступление, со стороны противника была открытой. Нас несколько раз обстреливали, но, выполняя распоряжения своих командиров, мы пришли к исходному положению на высоту без потерь.

Бойцы с огромным воодушевлением и нетерпением рвались в бой.

— Скорее бы в штыки!—говорили они.

Наконец наступила долгожданная минута. Под прикрытием пулеметов и артиллерии пошли в наступление.

Особо хочется отметить подвиг комсомольца Курганова. Когда появился танк с японским снайпером, он тремя выстрелами убил снайпера. Появился второй танк. Курганов и его вынудил замолчать своим метким огнем.

Сидя в окопе, Курганов перезаряжал винтовку. В этот момент он был тяжело ранен. Я отнес Курганова в сторону и перевязал его. Он был еще жив.

— Товарищи,—говорил он,—не сдавайте своих рубежей! Защищайте их до победы, но мне тяжело...

Геройски сражался и командир пулеметчиков Милованов. Сколько раз враги пытались открыть против нас огонь, но Милованов со своими пулеметчиками подавлял огневые точки противника.

★

Я как командир-комсомолец тщательно подготовил свой взвод к бою. Провел несколько бесед с бойцами-комсомольцами; мы выбрали нового комсорга (старый комсорг по болезни остался в части). Кроме того подготовил материалы по приему бойцов в комсомол, но принять их в комсомол никакой возможности в то время не было, хотя бойцы и очень просили об этом.

— Примите меня в комсомол. Я буду бороться и докажу на деле свою преданность родине.—Так писали они в своих заявлениях.

Те, кого мы думали принять в ВЛКСМ,—например, Кузьмин, Жердалев,—проявили настоящий героизм. Кузьмин до послед-

ней минуты был в бою, продолжавшемся несколько дней, и уничтожил много самураев. Когда наш снайпер вышел из строя, он взял его винтовку и начал бить врага по-снайперски.

★

Утром 6 августа в честь девятилетней годовщины со дня организации Особой Дальневосточной Краснознаменной Армии мы провели специальные комсомольские собрания. На этих собраниях бойцы заявляли:

— Мы будем бороться так, как боролись наши отцы и старшие братья в гражданскую войну!

Здесь же был заключен договор между двумя подразделениями на лучшее сохранение боевой техники, на лучшее выполнение боевых задач.

В этот день при поддержке нашей славной авиации и артиллерии мы пошли в наступление. Наше подразделение шло левым флангом. Пробирались к высоте Заозерной для полного уничтожения противника, укрепившегося на ней. Быстрыми перебежками мы двигались навстречу врагу, чтобы броситься в рукопашную схватку.

Первым выступил лейтенант Волк, который вскоре героически погиб. Этот человек все время воодушевлял бойцов и показывал пример подлинного бесстрашия. Все время был слышен его голос:

— Вперед! Вперед!

Бойцы, воодушевленные своим командиром, шли за ним.

Так мы достигли высоты Заозерной.

★

На следующий день к нам пришло подкрепление и новый приказ—атаковать противника. Мы провели хорошую пулеметную подготовку и этим самым заставили противника замолчать. В назначенный час бросились в атаку и успешно атаковали врага.

Во время этой атаки впереди всех был старший лейтенант Клименко. Он первым бросил гранату в окопы противника. Когда самураи в панике стали бегать по окопам, бойцы беспощадно били их гранатами и кололи штыками.

В этой атаке я был ранен, но не выбыл из строя. Старший лейтенант, однако, остановил меня.

— Ты не должен итти в бой,—сказал он,—ты истекаешь кровью.

Скоро и он был ранен гранатой в руку, но из боя не вышел.

★

Во время атаки мне пришлось столкнуться с противником лицом к лицу. В окопе сидело несколько самураев. Один из них выхватил саблю и бросился ко мне. Я его застрелил. На меня кинулся офицер. Я и его застрелил. В это время меня ранили в правую руку. Левой рукой я успел пристрелить японского пулеметчика.

„Комсомольская правда", 23 сентября 1938 г.

КАК Я УНИЧТОЖАЛ ЯПОНСКИХ НАЛЕТЧИКОВ

★

Фронтовые записки пулеметчика Гольянова

29 июля. Когда раздалась команда—„тревога!"—все вскочили, точно и не спали. Мы думали, что это учебная тревога и что скоро нас распустят по казармам, как это часто бывало.

Но, очевидно, дело серьезное. Получен приказ двигаться к сопке Безымянной.

Я осмотрел свой пулемет. Все в порядке. Он поблескивает, точно новый. Люблю свой пулемет! Никогда в жизни, кажется, его не брошу.

Когда подходили к сопке, мы слышали выстрелы. Это наши славные пограничники уже дрались с японскими налетчиками.

Сегодня впервые заработал мой пулемет. Это было так.

Заняли мы окоп пограничников и вступили в бой. Я открыл огонь по японским солдатам. Было отчетливо видно, что один из них упал. Вероятно, солдат был ранен, потому что другой японец хотел его оттащить подальше. Мой пулемет скосил и второго. Больше японцы не смели подойти к этому месту.

30 июля. Сегодня тихо. Самураи встретили достойный отпор. Может быть они накапливают силы? Что ж, мы готовы!

Вчера не спал всю ночь. С японской стороны слышались стон и плач. Это раненые японские солдаты. Их не подбирают даже сейчас, когда мы молчим. Говорят, что самураи, если их ранят, должны сделать себе харакири. Вероятно, по этой причине японцы вовсе не подбирают своих раненых. Но что-то и харакири они себе не делают...

При каждом шорохе и крике крепче сжимаешь в руках пулемет. Какая темная ночь! Не видать ни зги. Приходится усиленно напрягать зрение. Особенно слежу за высокой травой: враг может спрятаться там.

Рядом со мной Паша Степанов. Хороший парень! Вчера он был вторым номером, когда мы убили первых японских захватчиков. Паша немного похож на моего старшего брата Николая, только тот выше его ростом. Николай сейчас на заводе. У нас в Свердловской области уже утро. Все четыре брата ушли на завод, а мать, вероятно, стряпает на кухне.

Если вернусь домой, будет о чем рассказать!

31 июля. Ночь была горячей. Японцы не любят дневного света. Они норовят в бой, когда ночная мгла окутывает землю.

Вначале слышали перестрелку на Заозерной. Потом японская артиллерия стала бить в нашу сторону. Мы залегли в землю.

Командир роты лейтенант тов. Левченко сказал нам:

— Скоро ждите атаки. Не подкачать!

— Будьте спокойны, товарищ лейтенант,—ответил я ему.

Хороший у нас командир. Простой, задушевный. С начала службы в Красной Армии я все время с ним. Он мне помог стать младшим командиром. Я ли подведу его?!

Вот пошли японцы в атаку. Их много, уж никак не меньше полка. Мы лежим спокойно, точно ничего не видим. Японцы идут строем со штыками наперевес. Рядом со мной младший командир Иртегов —второй номер.

— В атаку,—командует Левченко.

Я встаю и стреляю на ходу. Японцы делают упор на правый фланг, а мы с Иртеговым находимся на левом. Нашего огня они не ждали. Мой пулемет работает, как часы. Что ни очередь, то падают наступающие цепи. В самую горячую минуту оказалось, что я уже расстрелял все диски.

— Иртегов, диски,—кричу я.

Иртегов торопится, да и ждать больше нельзя. Японцы повернули в нашу сторону. Один солдат совсем близко от нас. Диск уже наложен, и я снова открываю огонь. Грозивший нам солдат больше не страшен...

Японцы отошли, но не надолго. Вот уже снова Левченко командует:

— Приготовиться к атаке!

Японцы идут осторожнее. Они нас боятся. Мы ловим их на мушку. Только появится японец на вершине сопки, как мы его снимаем. Мой пулемет работает без устали. Видно, японцы заприметили опасное для них место, где мы укрылись с пулеметом. То и дело посвистывают пули. Одна из них сбила ветку, воткнутую в мою каску. Весь я замаскирован ветками, точно дерево.

Мы отбили вторую атаку японцев. Тогда самураи решили схитрить: они зажгли дымовые шашки на склоне высоты.

Мы сами воспользовались японскими дымовыми шашками. Я и заместитель политрука Бацура решили перехитрить самураев. Взяли связку гранат и поползли к японцам. Ползем медленно, осторожно. В руке у меня мой верный товарищ—пулемет.

— Ударим по огневым точкам,—шепчу я Бацуре.

Мы бросили девять гранат. Четыре—я и пять—Бацура. Этакой „дерзости“ японцы не ожидали. Гранаты разорвались там, где притаились японские пулеметы—„гочкис“. Три огневые точки были уничтожены.

Ползком вернулись обратно.

— Товарищ лейтенант,—доложил я Левченко,—три огневые точки противника уничтожены.

Он посмотрел на меня и молча пожал руку.

Японцы начали артиллерийский обстрел. Один снаряд разорвался в четырех метрах от меня. Я контужен. Встать трудно, болят ноги. Левченко подбегает встревоженный.

— Жив?—спрашивает он.

— Ерунда, контужен немного.

— В атаку!—командует Левченко, и вид его грозен. Его глаза горят, в одной руке—граната, в другой—наган.

Я поворачиваю голову в сторону противника и замечаю, как японский снайпер целится в Левченко. „Дорога каждая секунда“,—проносится мысль в разгоряченном мозгу. Меня знобит. Молниеносно бросаюсь к пулемету и даю очередь в четыре патрона.

Японского снайпера уже не видно. Оглядываюсь назад. Левченко жив и невредим.

Как радостно стало на душе! Вздохнул свободно и рукавом шинели вытер холодный пот на лбу.

Откуда Левченко узнал, что я спас ему жизнь?! Но только он подполз ко мне, крепко обнял и поцеловал.

— Спасибо, товарищ Гольянов,—сказал он тихо.

1 августа. Сегодня меня поздравляли. Говорили, что я хорошо себя вел во вчерашнем бою. Не понимаю, за что хвалят... Все себя так вели. Да и кто из красноармейцев поведет себя иначе?!

Говорят, что я вчера уложил чуть ли не сотню японцев. Может быть. Ведь считать было некогда!

Самураи „очухиваются" после вчерашней „бани" и сегодня не лезут больше.

2 августа. Не бывать захватчикам на советской земле! У меня в груди клокочет злоба против фашистов, посмевших переступить священные советские рубежи. Смотрю в сторону, где окопались японцы, и такая меня одолевает злоба, что нет сил лежать спокойно.

Иртегов это видит и шепчет мне:

— Лежи, не торопись, прогоним, дай срок.

Мы лежим тихо.

— Ты счастливый,—снова шепчет мне Иртегов,—как это ты жив остался? Такой большой, встанешь—лучшей мишени не надо.

Это верно. Рост у меня большой, да и в плечах косая сажень. Встану во весь рост, пули свистят, да все мимо. Только обмотку задела пуля на правой ноге.

По полю разносится мощное „ура".

— За Сталина, за родину!—кричит Левченко.

Я поддерживаю огнем наступление пехоты. Стреляю без остановки. Пулемет не знает ни одной заминки. Дульная часть так накалилась, что вся стала красной. Хорошо, что лежу на берегу озера. Быстро опускаю пулемет в воду—пусть остудится. Затем стреляю снова. Целюсь в японский пулемет. Вскоре он замолкает.

— Гольянов,—кричит мне командир взвода Стадник,—японское отделение двигается!

— Вижу,—отвечаю и быстро открываю огонь.

Бацура в это время смотрел в бинокль. Он видел, что из 12 японцев жив остался только один.

— Повертелся он, повертелся,—рассказывает Бацура, смеясь,—и перевалил за сопочку обратно.

Когда затем начало стрелять японское орудие, я сказал Бацуре:

— Дай-ка мне бинокль. Орудие где-то близко.

В бинокль я его скоро разглядел. Всего 650 метров от нас. Тогда я взял диск бронебойных патронов и давай поливать это место огнем. А Бацура смотрел в бинокль.

— Довольно,—кричит он мне прямо в ухо,—довольно, расчет выведен из строя.

На мой пулемет большой спрос.

— Гольянов,—командует мне Левченко,—уничтожить японских снайперов, они беспокоят нас, черти!

Рядом со мной был боец Титов.

— А ну-ка, Титов,—сказал я ему,—надень каску на штык и приподыми ее кверху, сейчас мы их обнаружим.—А сам перебежал на правый фланг.

В поднятую каску с лязгом ударилась пуля. Снайпер был обнаружен. Посланная ему очередь была единственной и последней. Затем каска была еще раз поднята кверху, и еще один японский снайпер был снят. Когда мы подняли каску в третий раз, в нее уже никто не стрелял.

4 августа. Мы с Иртеговым по очереди наблюдаем за противником. Когда его очередь, я лежу ничком и мечтаю. Вспоминаю о доме, о товарищах, о заводе, где недавно был стахановцем.

Мне радостно защищать социалистическую родину, Сталинскую Конституцию. Мне приятно, что мною довольны и меня хвалят.

— Ты молодец, Гольянов,—сказал мне политрук.

— А в партию примите?—спросил я его.

— Такими комсомольцами, как ты, гордится партия. Конечно, примем!—ответил политрук.

Эти слова мне были приятнее всех похвал.

6 августа. В бою нужно уметь выбирать хорошую позицию. Вот сегодня мне повезло. Впереди стоял танк. Он послужил мне хорошим прикрытием. Я поставил пулемет на гусеницу танка и стал бить по самураям. Им до меня не достать—танк закрывает, а мне они видны, как на ладони.

Это было соревнование четырех японских „гочкис“ с одним советским пулеметом. Японские пули попадали в танк, а мои пули—в японцев. Так я уничтожил сегодня четыре японские огневые точки.

Я осматриваю местность впереди себя. Противник уничтожен. Одиночные японские солдаты бегут без оглядки.

На высоте гордо реет советское красное знамя!

К концу боя ко мне подошел политрук и поздравил меня с высоким званием кандидата в члены Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

Сердце радостно заколотилось в груди.

„Красная звезда“, 16 октября 1938 г.

Н. Пантелеевич.
Командир танка

ТАНКИ ШЛИ В БОЙ

Накануне танковая часть, которой командовал орденоносец тов. Алимов, проводила опытно-показательное учение.

После учений мы плотно пообедали и только улеглись на

отдых, как был дан сигнал тревоги. Часть выстроилась в колонну и двинулась в поход.

Командир части поставил перед политическим и командным составом боевую задачу:

— Нужно выгнать с нашей земли зарвавшихся самураев.

Это известие взволновало всех бойцов и командиров. Тут же, на небольшом привале, были заключены договоры на социалистическое соревнование между подразделениями и экипажами танков: на лучший марш без единой аварии и на успех в бою.

Марш прошел блестяще. Колонна прибыла в назначенное место точно в срок.

Первыми в бой вступили танковые части, которыми командовал тов. Алимов. Подразделению старшего лейтенанта Никитина было поручено пройти на высоты Безымянную и Заозерную, разрушить проволочные заграждения противника, уничтожить его огневые точки и живую силу. На выполнение этой задачи вышли танк лейтенанта Якушева и танк младшего командира Кузнецова.

Пробравшись в расположение противника, экипаж Кузнецова открыл огонь из пушек, а приблизившись к проволочным заграждениям, одновременно привел в действие и пулемет. Разрезав проволочные заграждения, танк забрался на высоту.

Когда снаряды были уже на исходе, а задача выполнена, Кузнецов дал приказ механику уйти на исходную линию.

Героизм бойцов и командиров еще больше воодушевил тех, кто не был в первой атаке.

До второй атаки оставалось много времени. Мы воспользовались этим и развернули политическую работу. Многие товарищи—лучшие комсомольцы, лучшие отличники боевой подготовки—перед самым боем начали подавать заявления с просьбой принять их в ряды большевистской партии. Тут же за 30 минут мы выпустили газету и боевой листок. Этот листок был насыщен волнующим политическим содержанием.

Один из товарищей писал:

„Я уверен, что мы победим в предстоящем бою. Но если вражеский снаряд подобьет мой танк и я из боя не вернусь, считайте меня коммунистом, отдавшим свою жизнь за дело Ленина—Сталина, за родину".

По пересеченной болотистой местности все в полном составе шли в атаку, смело и уверенно. Танки не увязали и били по врагу без промаха и пощады.

Я дал распоряжение механику увеличить скорость. Нас обстреливали, но это не приносило никакого вреда. За высотой Заозерной было проволочное заграждение, но так как передовой линии противника не было видно, механик начал брать встретившийся вал первой скоростью. Здесь наш танк остановился, но мы не прекращали огня. Меня ранило в левую ногу, но я все же приказал продолжать огонь по неприятелю.

Видя, что я ранен, механик взял на себя инициативу. Неприятеля близко не было. Я вышел, вооруженный двумя ре-

вольверами. Замаскировавшись, залег на бугре и, наблюдая за огневыми точками противника, отдавал распоряжения стрелять.

Вскоре пришел политрук. Он потребовал, чтобы я ушел на перевязочный пункт, и даже привел санитара из своего подразделения.

Приказав механику-водителю оставаться на месте и вести из пушки стрельбу по огневым точкам противника, с тем, чтобы не допустить его переправы через реку, я покинул свой танк.

Тяжело было расставаться с экипажем. Ведь я мог еще действовать. Силы еще были. Горькая слеза выкатилась из моих глаз. Я ушел с твердой уверенностью, что мой танк не будет побежден. Я верил в свой экипаж, и он не обманул моих надежд!

„Комсомольская правда", 23 сентября 1938 г.

Проф. М. Н. Ахутин.
Военврач 1-го ранга

ХИРУРГИ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ НА ПОЛЕ БОЯ

В столкновениях в районе озера Хасан советская военная хирургия также сдавала боевой экзамен. Перед нами была поставлена задача: спасти, излечить, вернуть в строй наибольшее количество раненых бойцов, командиров, политработников. Партия и правительство потребовали от нас применения всех наших знаний, искусства и энергии, чтобы максимально снизить процент инвалидности среди героев, беззаветно жертвовавших своей жизнью при защите границ нашей социалистической родины.

Врачи французской армии во время империалистической войны показали лучшие образцы хирургической работы: они возвращали в строй 70 процентов раненых. Этому в значительной мере помогал позиционный характер войны, позволяющий организовать вблизи фронта подземные операционные. Врачи царской армии полностью восстанавливали трудоспособность лишь у 30 процентов раненых.

Условия нашей работы во время боевых действий у озера Хасан были не всегда благоприятны. Однако, подводя предварительные итоги, можно утверждать, что мы сумеем вернуть в строй не менее 75 процентов раненых. Уже одна эта цифра, которую, по всей вероятности, удастся значительно превысить, говорит о том, что хирурги Приморской 1-й армии со всей ответственностью отнеслись к своей задаче. Все—от санитара до врача—работали дни и ночи напролет, забывая о сне и еде. Огромную помощь оказали нам жены командиров и политработников, которых можно было видеть во всех этапах санитарной эвакуации—от полковых пунктов до тыловых госпиталей. Боевые подруги командиров самоотверженно работали вместе с медицинскими сестрами, мужественно перенося все тяготы и опасности фронтовой жизни.

Большой победой военной хирургии является проведение широкой оперативно-хирургической работы в полевой обстановке. Известно, что для успеха дела мы должны производить операции не позже, чем через шесть часов после получения ранения. Только в этом случае рана заживает, как обычная операционная, через 7···10 дней. Особенно важным является своевременное оперирование тяжелых, угрожающих ранений живота и головы. Стремясь максимально сократить смертность при подобных ранениях, мы создавали вблизи позиции специальные операционные в палатках, где с успехом производили сложные операции головы, в области живота, грудной клетки. В палатках же протекала хирургическая деятельность и полевого подвижного госпиталя.

Мы очень часто практиковали переливание консервированной, а также и свежей крови тяжело раненым. В качестве доноров были использованы санитары, санинструктора, которые, не задумываясь, отдавали свою кровь героям боев за высоту Заозерную. Переливание крови дало блестящие результаты. Многие товарищи были спасены для дальнейшей работы и борьбы на благо великой родины.

Работая сейчас в тыловом госпитале, где находятся наиболее тяжело раненые, я имею возможность наблюдать результаты операций, произведенных в полевых условиях. С особой радостью я слежу за выздоровлением защитников родины, которые всего лишь несколько дней назад лежали на операционном столе в палатке, почти без признаков жизни, и мы, хирурги, под гул орудий прилагали все усилия, чтобы вырвать их из рук смерти. Приятно видеть, что и они встречают нас приветствиями, с глубокой благодарностью за труды и оказанную им помощь. Что может быть выше сознания, что жизнь таких людей, беспримерных героев, спасена, что скоро они возвратятся вновь в железные красноармейские ряды, чтобы с новыми силами крепить непобедимую Красную Армию!

Благоприятные результаты оперирования в полевой обстановке особенно ярко сказываются на раненых в голову. В империалистическую войну после таких ранений выздоравливали лишь 5 процентов пострадавших. Сейчас, благодаря своевременным операциям в поле, нам удалось снизить процент смертности среди раненых с повреждениями головного мозга до нуля. Даже раненые в область живота, которые при поздних операциях обычно умирают, сейчас дали огромный процент выздоровлений (около 50 процентов). Подавляющее большинство раненых в грудь хорошо поправляются и смогут вернуться в строй.

Бичом раненых в прошлых войнах были смертельные, в большинстве случаев, инфекции—столбняк и газовая инфекция. Рядом профилактических мероприятий мы добились полного отсутствия столбняка и почти в 10 раз снизили заболеваемость газовой инфекцией.

В деле восстановления утраченной, вследствие ранения, трудоспособности нашим лучшим помощником является бодрое настроение самих раненых. Надо сказать, что с самых передовых

этапов санитарной эвакуации их поведение было таким же геройским, как и в боях. Легко раненые, несмотря на настояния, не хотели покидать фронта. Они оставались в частях, и лишь новые, более тяжелые ранения вынуждали их уходить с линии огня. Мы работали в атмосфере боевого, всепобеждающего советского патриотизма. Раненых беспокоила только одна мысль, одно желание—скорее вернуться в среду своих товарищей и продолжать святое дело защиты родины. В каждом их слове чувствовалась безграничная любовь к партии, к Великому Сталину, создателю счастливой жизни, защищая которую каждый из них смело, ожесточенно шел в бой с японскими провокаторами войны, посмевшими посягнуть на священную советскую землю.

Приморская 1-я армия,
август.

„Красная звезда", 3 сентября 1938 г.

З. Абрамов

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

По дороге на передовую линию, около полевого госпиталя, мы увидели двух женщин. Как только подошла машина и вынесли носилки, они сразу же кинулись к раненым.

Госпиталь развернулся недавно. Раненые сюда попадали прямо с поля боя. За несколько дней здесь уже были произведены десятки сложных операций, спасена жизнь многим славным патриотам нашей родины. Немалую роль в этом сыграли жена лейтенанта комсомолка Надежда Глотова и жена врача Юлия Щербакова.

С исключительной любовью встречали они каждого раненого. Вот Юлия Щербакова снимает с раненого одежду. Осторожные движения. Она старается не причинить ни малейшей боли раненому. Надежда Глотова в это время готовит чистое белье для вновь прибывшего.

Привезли обед. Обе женщины обходят раненых с тарелками горячего бульона. Подолгу останавливаются они около каждой кровати, стараясь как можно лучше накормить больных. В свободные минуты Надежда Глотова читает больным газеты.

Во время операций обе женщины не отходят от операционных столов. Они стоят у изголовья раненых и помогают врачам. Их мужья, лейтенант Федор Глотов и ветеринарный врач Петр Щербаков, в это время находятся на передовой линии фронта.

Иногда в госпиталь прибывают раненые бойцы из подразделения, которым командует лейтенант Глотов. Они рассказывают о своем храбром командире. Оберегая покой раненых, товарищ Глотова старается поменьше расспрашивать их.

— Что передать вашим мужьям, если мы их встретим на фронте?—спрашиваем мы у боевых женщин.

— Передайте им, чтобы они еще мужественнее дрались за нашу счастливую родину. Скажите им, что мы здесь вместе с ними.

С первых же дней боев за высоту Заозерную женщины—жены командиров и политработников, участвовавших в боях, пришли на помощь действующим частям. В лазаретах, госпиталях и столовых—всюду женщины развернули большую работу.

Только что в госпиталь прибыли первые раненые пограничники. Туда уже явилась жена командира Карташева. Она выяснила, какую помощь могут оказать женщины в уходе за ранеными, побежала в штаб и потребовала, чтобы женщинам разрешили работать в госпитале.

Во все время боев товарищ Карташева, не смыкая глаз, ухаживала за ранеными. Работала не одна. Она организовала вокруг себя весь женский коллектив—устанавливала дежурства у постелей раненых, доставала книги для них, писала им письма домой, рассказывала о том, как весь советский народ гордится их героизмом. Раздавая подарки, присланные трудящимися, она рассказывала о людях, которые прислали эти подарки, о советском народе, который в любую минуту готов стать под ружье на защиту родины.

Однажды в госпиталь прибыла делегация рыбаков далекого острова с подарками для раненых. Но не всем бойцам удалось встретиться с этой делегацией. Красноармейцы, получая подарки, интересовались делегацией острова. Карташева рассказывала об этом острове, о людях, которые там живут, о том, с каким волнением и любовью они передавали привет всем раненым.

Карташева поспевала всюду. Ее заслуженно стали называть бригадиром. Она действительно стала настоящим боевым бригадиром. Десятки женщин, не только жен командиров, но и местных жительниц, являлись к ней, предлагая свою помощь. Карташева, ухаживая сама за больными, успевала обежать все палаты и медпункты, интересуясь, как там идет работа, все ли в порядке.

Нередко этим боевым женщинам приходилось встречать санитарные машины, привезшие их мужей, раненных в бою.

Людмила Виталиевна Соляных только что искупала в ванне раненого бойца, отвела его в палату и уложила в постель. Она вышла на крыльцо госпиталя встретить вновь прибывшую санитарную карету. Из машины на носилках вынесли ее мужа—майора Соляных. Его ранило пулей в правое плечо в тот момент, когда он, подняв руку, скомандовал бойцам „вперед"! Майор Соляных вместе со своей частью поставил красный флаг на вершине высоты Заозерной.

Людмила Виталиевна бросилась навстречу к мужу. Первое, что произнес майор:

— Люда, высота наша!

Это была общая радость.

Мужа Людмилы Виталиевны вскоре перевезли в город Ворошилов, а она оставалась на своем боевом посту.

Кто не знает лейтенанта Терешкина? Герой-пограничник, он первый повел своих бойцов в атаку против японских налетчиков. Даже тяжело раненый Терешкин продолжал вести огонь по бандитам.

Жена лейтенанта Терешкина, так же, как и жена майора

Соляных, встретила тяжело раненного мужа в госпитале. Вместе с другими женщинами она первая пришла сюда работать.

Женщины работали не только в госпиталях. В эти дни они оказали большую помощь в прифронтовых столовых. Отправляющегося на фронт или прибывшего в ближайший тыл по делам службы женщины окружали исключительной заботой и вниманием. В любое время суток здесь каждого ждал вкусный обед.

В столовой можно было наблюдать такие картины. Муж только что прибыл с фронта и сейчас же возвращается обратно. Жена, провожая его, выражает единственное пожелание:

— Будь всегда впереди, беспощадно уничтожай врагов, посмевших нарушить священные наши границы.

Жены героев вели себя так же героически, как и их мужья. Оставаясь в тылу, они много сделали для того, чтобы их мужья отважно защищали честь социалистической родины.

Приморская 1-я армия.
Начало августа.

„Красная звезда", 5 сентября 1938 г.

Т. Карельштейн, В. Вагин.

МУЖЕСТВО КОМСОМОЛОК

В те дни и ночи ни на минуту не закрывались двери райкома комсомола. Женщины с корзинками и свертками в руках, комсомольцы с противогазами, колхозники с мешками подарков непрерывно приходили в райком.

Две комнаты райкома были уставлены мешками, ящиками и корзинами. Это—подарки местного населения. Вместе с теплыми, трогательными письмами трудящиеся настоятельно просили комсомольцев передать подарки тем, кто вел бой с обнаглевшими японскими захватчиками.

Из отдаленного рыбокомбината приехала группа девушек—значкистов ГСО. Узнав о боевых действиях, они поспешили в райком предложить свои услуги для работы медсестрами или санитарками в полевом госпитале.

Никогда еще в райкоме комсомола не бывало столько посетителей, как в дни героических боев советских пограничников и частей Первой (Приморской) армии с наглыми врагами на высотах у озера Хасан. Жители этих мест первые в стране узнали о боях с нарушителями границы. Звуки артиллерийской канонады явственно слышны были в поселке. Люди поднялись, охваченные стремлением помочь чем только можно родным бойцам.

Комсомолки первые стремились занять места сестер и санитарок, быть возле раненых. Какие трогательные, сердечные отзывы дают бойцы о работе комсомолок! Девушки охотно выполняли самые непривлекательные, но нужные работы. Как любящие сестры, как родные матери, как самые близкие, они ухаживали за доблестными воинами, ранеными в боях.

Ася Вапьян—подруга Мельниковой, с которой вместе приехала на дальневосточную границу из Баку в конце прошлого года по призыву Валентины Хетагуровой.

Девушка-армянка оставила привычную обстановку родного города, школу, где она была комсоргом, и приехала жить и работать в далекий пограничный район. Вапьян—секретарь комсомольского комитета райисполкома. Она добилась командировки на самый ответственный участок для оказания первой помощи раненым. В эти дни и ночи Вапьян можно было видеть на передовых позициях, на самых боевых участках. Пилот и парашютистка, отлично знающая санитарное дело, она всюду проявляла неутомимую энергию и умело применяла свои знания. Как пилот, Ася старалась помочь боевым летчикам. С целой группой комсомольцев и комсомолок она готовила диски, заряжала пулеметные ленты летчикам. Когда потребовалось, принимала первых раненых, ухаживала за ними.

Каждый раз, идя на дежурство к раненым бойцам, Мельникова и Вапьян запасались несколькими флаконами одеколона. Они освежали палаты, заботливо обтирали бойцов, клали им под подушки любовно сшитые носовые платки. Их подруги рассказывали нам, что свои сбережения, которые были предназначены на пошивку платьев, девушки целиком затратили на подарки бойцам.

Хетагуровка Тося Иванова завоевала любовь и уважение больных. Когда раненых бойцов переводили в другие палаты, они настойчиво просили:

— Пошлите нам сестру-комсомолку Тосю.

Тося Иванова показала себя знающей, серьезной работницей. Ее назначили старшей на дежурстве.

У комсомолки Надежды Чеботаревой—муж командир, сражался на передовой линии. Она также поехала в район боевых действий. Пренебрегая опасностью, комсомолка шла туда, где рвались снаряды, и оказывала первую помощь раненым. Большое горе постигло отважную комсомолку—в бою погиб ее муж. Это не сломило дух отважной комсомолки. Чеботарева самоотверженно продолжала свою работу.

В госпитале мы встретили на дежурстве двух комсомолок, родных сестер, Марию и Дарью Ильиных. Бойцы дружески зовут их: „Ильина большая“ и „Ильина маленькая“. Высокая, всегда выдержанная, Мария спокойно делает свое дело. Недаром ей доверили быть ответственной по расстановке дежурных.

Замечательные примеры патриотизма показывали и показывают наши девушки-комсомолки в пограничном районе, где недавно шли ожесточенные бои за неприступную советскую землю. Их трогательный заботливый уход помогал бойцам оправиться от ран, полученных в бою с врагами. Окрепшие, они снова рвались к своим товарищам, на передовые линии. И разве не наградой за их благодарный труд является письмо, адресованное Мельниковой и Вапьян с мест боев от лейтенанта-комсомольца Василия Колесникова?

Приводим письмо без изменения с согласия девушек:

„Озеро Хасан, 4 августа 1938 года. Здравствуйте, дорогие Ася и Валя! Пишу вам письмо оттуда, откуда, вы, конечно, меньше всего ожидали. Дела наши идут хорошо, бьем японцев всеми средствами обороны, которые нам доверило наше государство. Самочувствие у всех красноармейцев и командиров прекрасное. Все беззаветно преданы родине и рвутся в бой—не удержишь.

Пишите, как вы живете, чем сейчас занимаетесь? Как идет работа? Я, конечно, прав, когда, вспоминая о вас, думаю, что вы так же активно продолжаете участвовать в обороне нашей родины. Сегодня подал прямо на поле боя заявление о приеме в партию. Ну, девчата, как будто бы и все. Желаю всего хорошего, жму ваши руки. *Колесников*".

Наша доблестная Красная Армия и ее бойцы обеспечены всем необходимым. И колхозники, которые несли свои подарки, и комсомолки, пришедшие на поле боя, чтобы помочь раненым, прекрасно знают об этом. Ничем не преодолимое желание граждан нашей родины проявить свою личную заботу о родной Красной Армии—свидетельство могучего советского патриотизма. Примеры, приведенные в нашей корреспонденции,—лучшее этому доказательство.

Район озера Хасан.

„Комсомольская правда", 1 сентября 1938 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
4	9 сверху	появился	появлялся
31	13 снизу	п острелена	прострелена

1 р. 65 к.

975

8